

ОДИССЕЙ

человек в истории

ОДИССЕЙ 2023 №2

История науки

В этом номере:

Создавая автобиографию

Историк и изображения

Образ «Другого»

История как игра метафор

2023 №2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ОДИССЕЙ

Человек в истории

История науки

2023

Москва
ИВИ РАН 2023

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году
А. Я. Гуревичем

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.),
Н.А. БОЛДЫРЕВА, А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. секретарь; отв. ред.), О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.), О.В. ОКУНЕВА,
М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Н. ЗЕМОН ДЭВИС, А.А. ПАНЧЕНКО,
Л.П. РЕПИНА, Ж.-К. ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук К.Ю. ЕРУСАЛИМСКИЙ
кандидат исторических наук К.С. ХУДИН

О-42 **Одиссей. Человек в истории** / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1989–.
ISSN 1607-6184

2023. №2 (31): История науки / [гл. ред. А.О. Чубарьян ; отв. ред. А.Б. Герштейн]. – М.: ИВИ РАН, 2023. №2 (31). – 469 с.

В очередном выпуске «Одиссея» читатель увидит новые аспекты проблематики традиционных рубрик издания. В статьях подзаголовка «Святой и общество» феномен святости и связанные с ним религиозные практики рассматриваются как один из важнейших источников знаний о ментальности, поведенческих моделях и системе социально-политических представлений общества и отдельных социальных групп, для которых святой становится значимым символом идентичности. «Образ Другого» - тема, поднимающая вопросы коллективной идентичности и особенностей духовной культуры, раскрывается на материале «Штирийской таблицы народов» (XVIII в.).

В этом номере появились и новые рубрики, в которых рассматриваются приёмы конструирования автобиографии интеллектуалом X в. и особенности антикварного метода при составлении «Обозрений земного круга» в раннее Новое время.

Традиционный раздел рецензий представлен обзорами книги о визуальных интерпретациях дантовских образов, а также мультидисциплинарного издания, проливающего свет на ещё не достаточно изученную историю зарождения ботаники в России времени Петра I.

© Коллектив авторов, 2023

© Герштейн А.Б., отв. ред. выпуска, 2023

© Институт всеобщей истории РАН, 2023

Оглавление

СОЗДАВАЯ АВТОБИОГРАФИЮ

- Антаподосис Лиутпранда, или Как устроиться на службу при саксонском дворе в X веке.....9
Брахман А.А.

СВЯТОЙ И ОБЩЕСТВО

- «Терпение, с которым надлежит присваивать реликвии»: О некоторых сюжетах в истории культа св. Цезария Арелатского.....37
Омельченко Д.М.

- «А дача его образы, и книги, и милостынные денги... - а имянно всего не исписать»: объем и динамика денежных вкладов Ивана Грозного в монастыри.....69
Шокарев С.Ю.

- Гробница святого в пространстве русского храма XVII века.....134
Мельник А.Г.

- Быт шиитских паломников в Наджафе и Кербеле в XIX в.....163
Евстратов А.Г.

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЯ

- Антихрист в Вифлееме? От Ван дер Вейдена к Босху.....183
Майзульс М.Р.

ОБРАЗ «ДРУГОГО»

- «Таблица народов» в контексте культурных стереотипов о русских и немцах раннего Нового времени.....241
Келлер А.В.

ИСТОРИЯ КАК ИГРА МЕТАФОР

Политическое тело, микрокосм и зодиакальный человек: метафора тела в английском и французском религиозно-философском и политическом дискурсе XIV–XV вв. 267

Бычков П.С.

SCRIPT / ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В НОВОЕ ВРЕМЯ

«Искусство слова»: Протестанты в официальном дискурсе французской монархии XVII–XVIII вв. 297

Пименова Л.А.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Отражение антикварного метода «ветхого любопытника» Уильяма Кемдена в церковно-славянском переводе «Британии» 319

Болдырева Н.А.

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

«Как жил, кого любил, кому руки не подал»: К вопросу об этических оценках поведения студентов исторического факультета МГУ начала 40-х годов XX века 343

Левинсон К.А.

ПУБЛИКАЦИИ

«Святая земля». Глава из «Атласа, или Космографических размышлений о сотворении мира и форме сотворённого» Меркатора-Хондия 381

Герштейн А.Б.

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

«Божественная Комедия» сквозь призму визуальных образов 403

Луцицкая С.И.

Соцветие наук для изучения исторического гербария 409

Ожунева О.В.

IN MEMORIAM

Памяти Найджела Палмера 419

Ганина Н.А.

Женщина в истории. Памяти Натали Земон Дэвис.....428
Уваров П.Ю.

Памяти Эммануэля Ле Руа Ладюри 446
Яцук С.А.

ОБ АВТОРАХ
ABSTRACTS

Contents

CONSTRICTING AN AUTOBIOGRAPHY

<i>Antapodosis</i> by Liutpraud of Cremona, or How to Get a Job at the Saxon Court in the 10 th Century <i>Brakhman A.A.</i>	9
---	---

THE SAINT AND SOCIETY

«The Patience with which Relics Should Be Appropriated» : About Some Stories in the History of the Cult of St. Caesarius of Arles <i>Omelchenko D.M.</i>	37
«His Donations are Icons, Books, and Money... and Everything Cannot Be Enumerated»: the Volume and Dynamics of Ivan the Terrible's Monetary Donations to Monasteries <i>Shokarev S.Yu.</i>	69
A Tomb of a Saint in the Space of a Russian Temple of the 17 th Century <i>Melnik A.G.</i>	134
Life of Shi'I Pilgrims in Najaf and Karbala in the 19 th Century <i>Evstratov A.G.</i>	163

HISTORIAN AND THE IMAGE

Antichrist in Bethlehem? From van der Veiden to Bosch <i>Maizuls M.R.</i>	183
--	-----

IMAGE OF THE "OTHER"

The Table of Nations in the Context of Cultural Stereotypes about Russians and Germans of the 17th — 19th Centuries

Keller A.V.241

HISTORY AS A PLAY ON METAPHORS

Body Politic, Microcosmos and Zodiac Man: Body Metaphors in English and French Religio-Philosophical and Potilical Discourse of the 14th — 15th Centuries

Bychkov P.S.267

SCRIPT / ORALIA: THE WRITT EN AND THE ORAL TRADITION IN THE EARLY MODERN TIME

«Art of the Word»: Protestants in the Official Discourse of the French Monarchy of the 17th — 18th Centuries

Pimenova L.A.297

HISTORY OF SCIENCE

Reflection of the Antiquarian Method of «Old Curious Person» William Camden in the Church Slavonic Translation of «Britainnia»

Boldyreva N.A.319

HISTORIAN AND TIME

«How Lived, Whom Loved, Whom Didn't Shake a Hand with»: on the Question of Ethical Assessments of Students' Behavior on the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University in the Early 1940es

Levinson K.A.343

PUBLICATIONS

The Chapter «Holy Land» in the <i>Atlas, or Cosmographic Meditations upon the Structure of the Universe and the Form of the Created</i> by G. Mercator — J. Hondius <i>Gerstein A.B.</i>	381
---	-----

BOOK REVIEWS

The Dante's «Divine Comedy» with the Eyes of Visual Images <i>Luchitskaya S.I.</i>	403
«Florilegium Scientiarum» and the Study of Historical Herbarium <i>Okuneva O.V.</i>	409

IN MEMORIAM

Nigel F. Palmer <i>Ganina.N.A.</i>	419
N. Zemon Davis <i>Uvarov P.Yu.</i>	428
E. Le Roy Ladurie <i>Yatsyk S.A.</i>	446

LIST OF THE AUTHORS

ABSTRACTS

***Антаподосис* Лиутпранда, или Как устроиться
на службу при саксонском дворе в X веке**

Брахман А.А.

DOI 10.326081607-6184-2023-31-2-1

Аннотация: Статья посвящена особенностям саморепрезентации и способам её конструирования у клирика X в. Лиутпранда Кремонского в его сочинениях *Антаподосис* и *Пасхальная проповедь*. Воссоздавая особенности биографии Лиутпранда по источникам и анализируя новейшую историографию, автор доказывает, что, рисуя себя искусным дипломатом, ученым и интеллектуалом, знатоком греческого языка, Лиутпранд стремился сделать карьеру при дворе императора Оттона I, пытаясь добиться назначения послом, а позже — служителем императорской капеллы. Лиутпранду необходимо было преодолеть память о своей неверности предыдущему королю и показать себя верным слугой правителя. Для этого он использует библейские образы, а также перенимает риторику из «Моралий на Книгу Иова» Григория Великого.

Ключевые слова: Лиутпранд Кремонский, средневековая историография, саморепрезентация, X век, придворные интеллектуалы

Современная медиевистика все чаще исходит из предпосылки, что «письменные источники <...> представляют собой коммуникативные акты, которые действовали и должны были действовать в рамках своего времени»¹. Иными словами, любой текст, в том числе

¹Ср.: *Depkat*. 2003: 44. Об использовании концепции истории коммуникации в медиевистике ср.: *Mostert*. 2012; *New Approaches*. 1999; *Stollberg-Rilinger*. 2004: 489 — 527; *Althoff*. 1997: 370 — 389; *Althoff*. 2003 (b); *Althoff*. 2003 (d);

историографический, был создан с конкретной целью, для определенного круга адресатов, до которого он должен был донести то или иное послание своего автора или социальной группы (института), участвовавшей в его создании. Для корректного изучения источника вопрос об адресате текста и целях высказывания автора (коллективного или индивидуального) является столь же существенным, как и изучение обстоятельств создания произведения. Согласно многочисленным исследованиям раннесредневековой исторической традиции, историографический текст мог быть использован как средство выражения властно-политических интересов определенных групп, а также для защиты социально-экономических целей духовных институтов². На материале каролингской историографии изучены также и примеры личного высказывания авторов текста³. Относительно исторических произведений, созданных в эпоху правления Оттона I (936-973 гг.), последняя возможность никогда серьезно не рассматривалась; тем не менее, она кажется достойной размышления.

Настоящее исследование посвящено одному из основных историографических источников, повествующих об Итальянском королевстве X в., *Антаподосису* (*Книге о воздаянии*). Его автором был клирик Лиутпранд, служивший при дворе Оттона и получивший должность епископа Кремоны в 961 / 62 году⁴. Лиутпранд родился в начале 920-х годов, вероятно, между 921 и 922 гг., в состоятельной семье лангобардского происхождения⁵. Мальчиком его взяли в

Classen. 2010: 330 — 343; *Dartmann*. 2011: 1 — 23; *Adamska*. 2004: 13 — 47; *Pohl*. 2002; *Goetz*. 1999; *Religiosità*. 2009; *Modelle*. 2010; *Medialität*. 2005; *Medien*. 2003; *Kommunikation*. 2001.

²Ср.: *Werner*. 1987: 1 — 32; *Althoff*. 2003 (a): 126 — 149; *Althoff*. 2003 (c): 105 — 125; *Althoff*. 1988: 117 — 133; *Althoff, Coué*. 1992: 95 — 129.

³Ср.: *Airlie*. 2010: 175 — 184; *Tischler*. 2001: 166 — 171, 177 — 187, 196 — 199, 205 — 210; *Nelson*. 1990: 16 — 34; *Nelson*. 1994: 435 — 442; *Nelson*. 1985: 251 — 293; *Bobrycki*. 2010: 161 — 174, 169 ff.

⁴Дату получения епископства Кремоны ср. *Sutherland*. 1988: 78: «On January 14, 962 the new bishop preceded over a land transferral for his see»; ср. *Sutherland*. 1988: сноска 5 (указание на *Codex Diplomaticus Cremoniae* [*Historia*. 1895: №26. 33]; 14 Januar 962).

⁵Вся информация о юности Лиутпранда содержится исключительно в его произведении *Antapodosis*. Что касается даты его рождения, то обоснованным кажется предположение Дж. Сазерленда о периоде между 921 и 922 гг.. Лиутпранд не демонстрирует никаких личных воспоминаний о пожаре 924 г. в Павии, хотя само событие описано в *Антаподосисе* подробно и с искренним состраданием к городу и жителям. Таким образом, в 924 г. Лиутпранд должен

931-932 гг. в королевский хор, и он продолжил духовную карьеру: еще во время правления Хуго I (926-945 гг., формально до 947 г.) Лиутпранд стал дьяконом. В павийской придворной школе он получил прекрасное образование: с IX в. Павия принадлежала к ключевым образовательным центрам Италии⁶. После прихода к власти Беренгара Иврейского в 945 г. его родители, пойдя на большие расходы, добились, чтобы Лиутпранда приняли на службу нового короля, в качестве писца или в качестве *consciis secretorum* и *signator epistolarum*, как сам он утверждает в *Antapodocuce*⁷.

Отец Лиутпранда, а после его смерти и отчим возглавляли посольства короля Хуго к византийскому двору (в 926 — 927 и 941 — 942 гг.). Очевидно, планировалось, что главный герой данной статьи продолжит эту семейную традицию. Так, отчим Лиутпранда добился, чтобы его пасынок поехал в составе посольства, отправленного в 949 г. по просьбе византийского императора Константина VII. Расходы несла семья Лиутпранда⁸. После возвращения послов произошел — по неизвестным причинам - разрыв между Лиутпрандом и Беренгаром, ставшим королем после смерти сына Хуго, Лотаря⁹. Лиутпранд был вынужден покинуть Италию и отправиться к саксонскому двору Оттона I. Это событие нельзя датировать точно -

был быть еще слишком юн; с другой стороны, в 931 г. он должен был быть достаточно взрослым, чтобы присутствовать при назначении сына короля Хуго его соправителем. Ср.: *Sutherland*. 1988: 3 — 4. Эта гипотеза нашла поддержку и в позднейших исследованиях; ср.: *Huschner*. 2003(2): 550.

⁶Ср.: *Huschner*. 2003(2): 450 — 458; *Sutherland*. 1988: 4-5, сноска 10 с указанием более старой библиографии. О выдающейся начитанности другого выпускника павийской школы, Стефана Новарского, ср.: *Hoffmann*. 2006: 485 — 503.

⁷Сазерленд обоснованно предполагает, что Лиутпранд ввиду своего юного возраста занимал простую должность писца; ср.: *Sutherland*. 1988: 5. Собственную характеристику Лиутпранда ср.: *Liudprand*. 1915: 149. Римскими цифрами обозначается номер книги, арабскими — номер главы. В дальнейшем цитируется по след. образцу: *Antapodosis* V, 30 (кроме тех случаев, когда однозначная привязка текста к главе представляется невозможной). Текст цитируется по изданию Й. Бекера, так как решение П. Киезы не включать латинский перевод греческих оборотов в текст издания кажется нам сомнительным. Ср.: *Chiesa*. 1998: XCV — XCVI.

⁸Ср.: *Nerlich*. 1999: 108 — 111. Нерлих говорит о «семейной традиции», продолжению которой активно способствовало следующее поколение, однако она не должна рассматриваться как признак формирования «дипломатического корпуса», поскольку поручения Лиутпранда и его предков слишком зависели от их персональных связей с правителями Италии; ср. *Nerlich*. 1999: 110 — 111.

⁹О возможных причинах разрыва см.: *Sutherland*. 1988: 9 — 10.

оно произошло между 950 и 955 гг.¹⁰ С уверенностью можно лишь утверждать, что к началу 956 г. Лиутпранд находился при дворе Оттона, так как он встретился с посланником кордовского халифа Абдаррахмана III, епископом Рецемундом из Эльвиры, прибывшим ко двору Оттона во Франкфурте в феврале 956 г.¹¹ Знакомство с Рецемундом дало стимул для создания первого произведения Лиутпранда, *Антаподосиса*, обращенного, по крайней мере, формально, к испанскому епископу¹².

Положение Лиутпранда при дворе Оттона в первые годы является предметом дискуссий среди исследователей¹³ (одну из них инициировала работа В. Хушнера). Опираясь преимущественно на палеографические данные, а также приводя такие аргументы, как интерес к архитектуре и характерные выражения, Хушнер идентифицировал Лиутпранда с оттоновским придворным писцом Лиудольфом - F¹⁴. Согласно гипотезе Хушнера, Лиутпранд занимал должность придворного писца с 956 г., а в 959 — 960 гг. стал имперским придворным писцом и членом придворной капеллы¹⁵. Однако центральный, палеографический, аргумент гипотезы Хушнера подвергся острой критике со стороны другого знатока раннесредневековых рукописей, Х. Хоффманна¹⁶.

Произведения, созданные Лиутпрандом до назначения епископом Кремоны в 961 — 962 гг., *Антаподосис* и *Пасхальная проповедь*¹⁷, не дают однозначного ответа на вопрос о его социальном

¹⁰О различных датировках см.: *Huschner*. 2003(2): 550 — 551. Н. Штаубах предполагает более раннюю дату — 951/952 гг., ср.: *Staubach*. 1993: 365.

¹¹Ср.: *Hauck*. 1974: 300; *Sutherland*. 1988: 53 — 54; *Huschner*. 2003(2): 551. О приеме испанского посольства ср.: RI. II,1 n. 241a. URL: http://www.regesta-imperii.de/regesten/suche/result/nr/0956-02-02-1-0-2-1-1-472-241a.html?tx_hisodat_sources%5BsearchMode%5D=20&tx_hisodat_sources%5Baction%5D=show&tx_hisodat_sources%5Bcontroller%5D=Sources&chHash=aaae059c5b47773ad13d028447390517#rinav (дата обращения: 16.11.2023).

¹²Ср.: *Huschner*. 2003(2): 551; *Brakhman*. 2016: S. 60 — 65.

¹³Впервые положение Лиутпранда при дворе Оттона было проблематизировано в работе Э. Карпфа; ср.: *Karpf*. 1985: 8 — 12.

¹⁴Ср.: *Huschner*. 2003 (2): 558 — 584.

¹⁵Ср.: *Huschner*. 2003(2): 584 — 590.

¹⁶Ср.: *Hoffmann*. 2005: 468 — 471.

¹⁷О датировке получения Лиутпрандом епископского сана ср. сноску 1. Как доказал Карпф, *Антаподосис* был создан в основном, за исключением шестой, неоконченной книги, между 958 и 960 гг.; ср.: *Karpf*. 1985: 6 — 8. Тезис Карп-

статусе. Прослеживаемая в текстах самоидентификация Лиутпранда подтверждает, скорее, ненадежность его положения. Так, в заголовке и посвящении *Антаподосиса* автор назван дьяконом павийской церкви¹⁸. В «Пасхальной проповеди» статус Лиутпранда обозначен чрезвычайно странно: в то время как в греческом заголовке он назван итальянским дьяконом, в самом тексте проповеди автор именует себя *episcopus*¹⁹. Можно предположить, что заголовок отражает фактическое положение Лиутпранда. Едва ли его составитель мог допустить подобную ошибку, тем более что греческий заголовок написан с большой вероятностью итальянской рукой, возможно, самим Лиутпрандом, и поэтому обозначение его как дьякона не может объясняться незнанием переписчика²⁰.

Противоречие в самоидентификации Лиутпранда в «Пасхальной проповеди» позволяет рассматривать наименование *episcopus* в тексте проповеди как литературную форму выражения его стремления получить епископский сан. Это наблюдение приводит к предположению, что мы имеем дело с похожим обозначением социального устремления и в другом случае самоидентификации автора в *Антаподосисе*: с помощью местоимения «мы» Лиутпранд недвусмысленно причисляет себя к кругу тех, кто заботится о *memoria* умерших членов оттоновского дома, Генриха Баварского и Людольфа²¹. На первый взгляд, такая идентификация указывает на определенную

фа нашел поддержку и у современных исследователей; ср.: *Körntgen*. 2001: 62; *Huschner*. 2003(2): 551 — 552. Датировка проповеди см.: *Bischoff*. 1984: 23; *Schreiner*. 2003: 312; *Huschner*. 2003(2): 552.

¹⁸Ср. *Antapodosis*: 1: (...) *incipit liber antapodoseos (...), retributionis, regum atque principum partis Europae, a Liudprando, Ticinensis ecclesiae diacone (...) ad Recemundum, Hispaniae provinciae Liberritanae ecclesiae episcopum, editus*. Ср. первое предисловие: *Reverendo tocius que sanctitatis pleno domno Recemundo, Liberritanae ecclesiae episcopo, Liudprandus, Ticinensis ecclesiae, suis non meritis levites, salutem* (I,1).

¹⁹Ср. перевод греческого заголовка: *Homily*. 2007: 203. Ср.: *Liudprandi Cremonensis Homelia Paschalis* 28. S. 164: *Sed forte vestrum aliquis tacitis secum cogitationibus dicit: „Si ita est, ut doces, cur tu, o episcope, horrea plena reservans, egenos ad te clamantes non audis?“*

²⁰Ср.: *Bischoff*. 1984: 23; *Hoffmann*. 2001: 56. С осторожностью: *Schreiner*. 2003: 314-315.

²¹Ср. *Antapodosis* IV, 15: *Post regiam autem dignitatem duos peperit, unum, quem patris nomine vocavit Heinrichum, (...) cuius recenti pro funere non mediocres adhuc lacrimas fundimus; Antapodosis* IV, 17: (...) *ex qua et filium genuit nomine Liutolfum. Cuius ob recentem iacturam quociens memoriam agimus, lacrimis sinum replemus*.

близость автора к саксонской династии, вероятно, на то, что он занимал должность придворного капеллана²². Однако ассоциирование Лиутпранда с хранителями оттоновской *memoria* указывает, скорее, на его желание, нежели чем на фактическую принадлежность к придворной капелле. Таким образом, самоидентификация автора как в *Антаподосисе*, так и в *Пасхальной проповеди* выражает лишь стремление автора к повышению своего социального статуса; оба ранних произведения выявляют не положение при дворе, а ярко выраженное желание павийского дьякона добиться социального продвижения.

Представленные выводы противоречат гипотезе Хушнера о том, что Лиутпранд был принят в придворную капеллу уже в 959 — 960 гг.²³ Следует подчеркнуть, что этот факт не подтверждается источниками. Тем не менее, существует важный аргумент, свидетельствующий, скорее, в пользу членства Лиутпранда в капелле, а именно его участие в посольстве к византийскому двору василевса Романа II в 959 — 960 гг.²⁴ Это была первая миссия Лиутпранда на службе восточнофранкского правителя; никаких дополнительных сведений о ней не сохранилось, но, предположительно, посольство должно было прозондировать почву для признания предстоящей императорской коронации Оттона, состоявшейся в 962 г. и окончилось неудачно²⁵. Признавая правоту Й. Флекенштейна и Хушнера, что Лиутпранд должен был быть в какой-то форме принят на службу к Оттону, чтобы выступать в качестве его посланника²⁶, необходимо констатировать, что итальянец воспринимал свою позицию при саксонском дворе как весьма ненадежную и стремился к более высокому социальному статусу.

²²Об оттоновской *memoria* ср.: *Althoff*. 1984: 220 — 221. Хотя в основном забота об оттоновской *memoria* лежала не на придворных капелланах, а на основанном в 936 г. монастыре Кведлинбург (ср.: *Althoff*. 1984: 190 — 193; 212), тем не менее, предположение, что молитвы за умерших членов правящего дома возносились и капелланами, кажется правдоподобным, тем более что некоторые епископы, в прошлом выходцы из придворной капеллы, продолжали заботиться о династической *memoria* после получения сана. Ср.: *Wagner*. 1994: 72.

²³Ср.: *Huschner*. 2003(2): 589-590.

²⁴Ср.: *Huschner*. 2003(2): 589-590; *Fleckenstein*. 1966: 46 (Anm. 191). Об итальянских клириках в придворной капелле Оттона ср.: *Huschner*. 2003(1): 223 — 224.

²⁵Ср.: *Huschner*. 2003 (2): 552; *Karpf*. 1985: 8; *Nerlich*. 1999: 298.

²⁶См. сноски 20 — 21.

В конце 950-х годов Лиутпранд оказался в сложном положении: ему необходимо было убедить новых господ в своей верности и безупречных моральных качествах, которые казались сомнительными ввиду смены покровителей несколько лет назад. Неверность, проявленная Лиутпрандом по отношению к королю Беренгару II, могла стать препятствием на пути вхождения автора в ближайший круг Оттона и, следовательно, ей нужно было найти объяснение. Именно такое намерение можно проследить в *Антаподосисе*: об этом свидетельствует не только совершенное замалчивание обстоятельств и причин разрыва с Беренгаром. Уже необычный заголовок произведения заставляет предположить определенную стратегию самооправдания: *Антаподосис* должен провозгласить «возмездие» автора за «страдания» (*calamitates*), причиненные ему Беренгаром и его женой Виллой, а также раскрыть их нечестивость (*impietas*)²⁷. В предисловии к третьей книге произведения, разъясняющем его заголовок, Лиутпранд представляет себя и свою семью жертвами, несправедливо преследуемыми безбожными правителями Италии²⁸.

Как убедительно показал Х. Йессен, самооправдание Лиутпранда строится на концепции, заимствованной из трактата «Моралии на Книгу Иова» Григория Великого²⁹. Напрямую Лиутпранд цитирует трактат Григория только один раз, в тот момент, когда он использует григорианскую аналогию «страуса» и лицемера: как страус не сможет взлететь, так лицемер не спасет свою душу³⁰. Тем не менее, описание поведения Беренгара абсолютно совпадает с григорианским образом лицемера, характерными грехами которого являются «хитрость» (*calliditas*), имитация добродетели (*non bonus, sed bono similis est visus*) и «жадность» (*avaritia*), неоднократно упоминаемые в *Антаподосисе*³¹. Плохое обращение со стороны короля

²⁷Ср. *Antapodosis* III, 1: *Sit igitur eis praesens pagina antapodosis, hoc est retributio, dum pro calamitatibus meis τὴν δόξειάν, aseven, id est impietatem eorum, praesentibus futurisque mortalibus denudavero.*

²⁸Ср. *Antapodosis* III, 1: *Intentio huius operis ad hoc respicit, ut Berengarii huius, qui nunc in Italia non regnat sed tyranizat, atque uxoris eius Willae (...) actus designet, ostendat et clमित. Tanta enim mendaciorum iacula, tanta rapinarum dispendia, tanta impietatis molimina in me et domum meam, cognationem et familiam, gratis exercuere, quanta nec lingua proferre nec calamus praevallet scribere.*

²⁹Ср.: *Jessen.* 1921: 18 — 23; 57.

³⁰Ср.: *Jessen.* 1921: 19 — 20.

³¹Ср.: *Jessen.* 1921: 18 — 21. К примерам, приведенным Йессеном, можно доба-

Лиутпранд представляет как «высмеивание» лицемером «набожной души», а, значит, самый большой смертный грех, богохульство³².

Описывая преследования со стороны Беренгара, Лиутпранд демонстрирует ученое благочестие - непоколебимую надежду на божью помощь против своих «врагов»³³ и богобоязненность; в беде он утешается «учением апостолов»³⁴. Прямые библейские цитаты подчеркивают праведность Лиутпранда³⁵. В то же время репрезентацию автора следует понимать как косвенную цитату из «Моралий» Григория: Лиутпранд указывает на Иова как на образец, избранный им для описания своего благочестивого поведения³⁶.

Таким образом, измена Лиутпранда итальянскому королю замещается картиной преследуемого лицемерным Беренгаром благочестивого Лиутпранда, который принимает несчастья так же богобоязненно, как Иов. Характеристика Беренгара как тирана следует созданному Григорием и Блаженным Августином типу князя, посланного дьяволом³⁷. Намекает ли автор таким образом на свое право покинуть властителя-тирана, однозначно определить невозможно³⁸.

вить еще один, где продемонстрирована взаимосвязь «хитрости» и «жадности» Беренгара; ср. *Antapodosis* VI, *incipiunt capitula* III: *Qua calliditate Berengarius nuntium Constantinopolim direxit, cui nihil dedit*; ср. также *Antapodosis* VI, 3: *Berengarius itaque calliditate qua erat suffarcinatus, cogitans, quem potissimum mitteret, cui nil impensae ob itineris longinquitatem praeberet, vitricum, cuius tunc sub cura degebam, veniens (...).*

³²Ср.: *Jessen*. 1921: 22.

³³Ср. *Antapodosis* VI,1: *Temporis instantis qualitas tragoedum me potius quam historiographum quaerere, nisi pararet Dominus in conspectu meo mensam adversus eos qui tribulant me*. Ср. Пс. 22,5.

³⁴Ср. *Antapodosis* VI,1: (...) *iuvatque hominem exteriorem potius lugere quam scribere. Interior vero apostolicis confirmatus institutis (...). Pareat itaque interiori exterior suaeque infertunia non solum non abhorreat, verum in his potius conquiescat (...).*

³⁵Ср. сноски 29 — 30.

³⁶Тем не менее, тезис Йессена о том, что Лиутпранд стремился стилизовать свой образ под Иова, кажется преувеличением; ср.: *Jessen*. 1921: 22 — 23.

³⁷Ср.: *Jessen*. 1921: 57. Обозначение Беренгара и Виллы как тиранов ср. *Antapodosis* III,33 (*iste Berengarius ille, cuius immensitate tyrannidis tota nunc luget Italia*), III,1 (ср. сноску 24), IV, 8 (*Berengarius iste, cuius tyrannide tota nuncluget Italia*). Образ Беренгара перекликается не только с григорианской концепцией, но и во многом с каролингскими представлениями о плохом правителе (*rex iniquus*); ср.: *Meier*. 2009: 22.

³⁸К сожалению, отсутствуют работы, освещающие вопрос представлений о правомочности восстания против нечестивого правителя в оттоновскую эпоху.

Отрицательный образ Беренгара II нужно, следовательно, рассматривать не только как средство личной мести автора³⁹, но, в первую очередь, как центральный аргумент самооправдания Лиутпранда в своей измене. Как будет продемонстрировано ниже, в связи с основной целью создания *Антаподосиса* — устроить свою карьеру при саксонском дворе — самооправдание должно было иметь для Лиутпранда большее значение, чем только литературное возмездие.

Вопрос, выглядела ли аргументация Лиутпранда убедительной для потенциальных адресатов его текста, остается открытым. Хотя в качестве идейной основы использован «знаменитый на протяжении всего средневековья» трактат Григория Великого, многократно цитируемый в X в.⁴⁰, это, разумеется, не позволяет сделать вывод, что концепция «лицемера» была знакома саксонским адресатам *Антаподосиса*.

Ещё одним аргументом самооправдания Лиутпранда является его «верность» королю Беренгару: *Антаподосис* дважды повествует о его службе, в королевской канцелярии (по словам Лиутпранда, как *consciis secretorum* и *signator epistolarum*) и в качестве посланника ко двору византийского императора Константина VII в 949 г.⁴¹; оба рассказа подчеркивают лояльность Лиутпранда своему государю, а также плохое вознаграждение за его труды⁴². В первом случае автор говорит о своей верной службе в общих чертах (*fideliter deservirem*)⁴³. Во втором — Лиутпранд иллюстрирует свою «любовь» (*caritas*)⁴⁴ к королю более детальным рассказом: жадный Беренгар не только отправил посольство в Константинополь за счет отчима Лиутпранда, но и не передал послам никаких

О подобных представлениях в каролингскую эпоху ср.: *Bund*. 1979: 545 — 547; *Scharff*. 2002: 168 ff.

³⁹ Таково мнение большинства исследователей; ср.: *Körntgen*. 2001: 63 — 64; *Staubach*. 1989/90: 469-470; *Sutherland*. 1988: 65 — 67.

⁴⁰ Цит.: *Jessen*. 1922: 7. О цитировании трактата см.: *Braga*. 1986: 561 — 568.

⁴¹ См. выше.

⁴² Ср.: *Antapodosis* V, 30: *Cui cum fideliter longo tempore deservirem, hac, quam prosecuturus sum suis in locis, pro dolor! mercede donavit*. Также *Antapodosis* VI,6: *Sed nec hoc pigeat memorare, quid tunc pro Berengario egerim, scilicet ut agnoscatur, quanta hunc caritate dilexerim et cuiusmodi ab eo reconpensationem pro bene gestis acceperim*.

⁴³ Ср. *Antapodosis* V, 30 (сноска 37).

⁴⁴ Ср. *Antapodosis* VI, 6 (сноска 37).

даров для императора⁴⁵; Лиутпранд был вынужден спасти честь своего господина от позора (*verecundia*) при византийском дворе, передав собственные подарки от его имени и «украсив» скромный дар присущим ему красноречием⁴⁶.

Таким образом, *Антаподосис* обнаруживает отчетливые признаки стратегии самооправдания автора: измена Лиутпранда королю Беренгару II представлена как его преследование безбожным властителем-«лицемером»; самого себя автор рисует благочестивым и честным человеком, который верно служил своему господину и получил за это недостойное вознаграждение.

Наряду с благочестием и верностью, *Антаподосис* демонстрирует и иные способности, достижения и добродетели Лиутпранда, которые следует рассмотреть, задавшись вопросом, на какие сферы деятельности при саксонском дворе эти аспекты самопрезентации могли бы указывать⁴⁷.

Наиболее отчетливо показано знание греческого языка: Лиутпранд заявляет о нем уже в названии произведения и следующем за ним посвящении епископу Рецемунду из Эльвиры⁴⁸. Греческие слова и выражения встречаются в *Антаподосисе* весьма часто (357 раз), примерно треть — в части текста, не посвященной Византии⁴⁹. В более поздней редакции произведения греческие выражения были снабжены латинской транскрипцией и переводом, вероятно, ввиду недостаточных познаний потенциальных адресатов⁵⁰. употребле-

⁴⁵Ср. *Antapodosis* VI, 3 (сноска 27); *Antapodosis* VI, 6: *Hispanorum nuntii et nominatus Liutefredus, domini nostri tunc regis Ottonis nuntius, magna ex eorum dominis parte munera imperatori Constantino detulerant. Ego vero Berengarii ex parte nihil praeter epistolam, et hanc mendatio plenam, detuleram.*

⁴⁶Ср. *Antapodosis* VI, 6: *Estuabat itaque non parum hac pro verecundia animus, et quid super hac re faceret, cogitabat attentius. Estuanti autem et mihi nimium fluctuanti mens suggessit, quatinus dona, quae imperatori mea ex parte detuleram, Berengarii ex parte conferrem, parvumque munus, prout possem, verbis ornarem.*

⁴⁷Здесь и далее термин «самопрезентация» обозначает создание автором собственного образа.

⁴⁸Ср. Werner. 1987: 1: *In nomine Patris et Fili, et Spiritus sancti, incipit liber antapodoseos ἀνταπόδοσις, retributionis, regum atque principum partis Europae, a Liudprando ticinensis ecclesiae diacone, en ti echmalosia autu, ἐν τῇ ἐχμαλοσία αὐτοῦ, in peregrinatione eius, ad Recemundum, Hispaniae provinciae Liberritanae ecclesiae episcopum, editus.*

⁴⁹Ср.: Koder. 1980: 26.

⁵⁰Ср.: Koder. 1980: 66 — 67; Berschin. 1985: 113-114; Hunger. 1997: 198;

ние греческого языка в *Антаподосисе* указывает как на намерение автора наглядно представить свои знания, так и на сознательное приспособление к уровню образования его адресатов во второй редакции текста.

Необходимо отметить, что знание греческого языка в регионах к северу от Альп было в высшей степени редким: греческие выражения использовались преимущественно как стилистическое украшение⁵¹; несколько интенсивнее греческий язык использовался лишь в литургии, причем заимствованные молитвы воспринимались, очевидно, дословно или же был понятен только общий смысл текста⁵². Даже оба ученых из Италии, находившихся на территории оттоновской империи одновременно с Лиутпрандом, Стефан Новарский, возглавлявший школу в Вюрцбурге⁵³, и Ратхер Веронский, протеже архиепископа Вильгельма Майнцского и аббат Оне⁵⁴, либо не знали греческого языка (Стефан Новарский), либо их знания остаются спорными (Ратхер Веронский)⁵⁵. В северо-альпийском регионе X в. Лиутпранд оказывается «счастливым исключением»⁵⁶. Лиутпранд, следовательно, обладал навыком, который решительно выделял его в окружении Оттона I, и это обстоятельство должно было быть ему известно. С большой долей вероятности можно предположить, что знание греческого языка, столь наглядно представленное в *Антаподосисе*, послужило очень убедительной рекомендацией автора как потенциального посланника Оттона при византийском дворе⁵⁷. Подобное предположение подкрепляется тем фактом, что посольство в Византию в 959 — 960 гг. стало первой подтвержденной источниками миссией Лиутпранда на службе Оттона⁵⁸.

Наряду с чрезвычайно убедительным для саксонской аудитории аргументом знания греческого, автор *Антаподосиса* не стес-

Hoffmann. 2001: 53 — 57. Иного мнения придерживается Кьеза; ср.: Chiesa. 1994: LXXVII — LXXIX; Chiesa. 1994: 337.

⁵¹Ср.: Bischoff. 1951: 48 — 50; Staubach. 1993: 353 ff.

⁵²Ср.: Finger. 2010: 78-79.

⁵³Ср.: Hoffmann. 2006: 501 — 503; Petersohn. 2008: 27 — 28.

⁵⁴Ср.: Reid. 1991: 3 — 16, здесь S. 7 — 8; Brakhman. 2016: 65-66.

⁵⁵О вероятности владения греческим Ратхером Веронским ср.: Reid. 1981: 64 — 65.

⁵⁶Цит.: Koder. 1980: 23. Ср. также: Berschin. 1985: 112 — 113; Huschner. 2003(2): 454.

⁵⁷Ср.: Bischoff. 1984: 20; Nerlich. 1999: 108 — 111; Huschner. 2003(2): 552.

⁵⁸Ср. сноски 20 — 21.

нялся представить и другие необходимые для дипломатической деятельности качества, такие как «стойкость» (*animi constantia*) и «красноречие» (*dicendi copia*)⁵⁹. Именно демонстрации умений автора в качестве представителя при византийском дворе, а также успеху его миссии и посвящена последняя, неоконченная шестая книга *Антаподосиса*. Рассказ о посольстве в Константинополе по поручению Беренгара II в 949 г. описывает не только верность Лиутпранда, как было указано выше, но и иллюстрирует упомянутые положительные черты автора: его поведение при дворе василевса полно достоинства и соответствует придворному ритуалу⁶⁰. Более того, Лиутпранд недвусмысленно намекает, что успех посольства был обязан исключительно его искусному поведению, которое обеспечило благосклонный прием посланников при византийском дворе⁶¹. Сам Лиутпранд был отмечен не только неоднократной возможностью лично разговаривать с императором, но и особым подарком⁶².

⁵⁹ Удивительно, но Лиутпранд вкладывает свою хвалебную характеристику в уста врага, короля Беренгара; ср. *Antapodosis* VI, 3: (...) *Quod cum ob animi constantiam nemo melius tum ob dicendi copiam nemo commodius facere potest. Quid dicam, quam facile doctrinas ebibet Graecas, qui tam puerilibus in annis epotavit Latinas?*

⁶⁰ Так, прибыв в Константинополь, Лиутпранд выяснил заранее особенности приема послов и на нем не проявил никакого изумления; ср. *Antapodosis* VI, 5: *Cumque in adventu meo rugitum leones emitterent, aves secundum species suas perstreperent, nullo sum terrore, nulla admiratione commotus, quoniam quidem ex his omnibus eos qui bene noverant fueram percontatus*. О следовании определенному ритуалу ср. *Antapodosis* VI, 5: *Tercio itaque pronus imperatorem adorans caput sustuli* (...) и далее: *Per se autem tunc nihil locutus, (...) de vita Berengarii et sospitate per logothetam est percontatus* [император — А. Б.]. *Cui cum consequenter respondissem, interpretae sum innuente egressus et in datum mihi hospitium mox receptus*.

⁶¹ Ср. *Antapodosis* VI, 7: *His ita gestis* [отсылка к передаче скромных даров, украшенных красноречьем Лиутпранда; ср. *Antapodosis* VI, 6, сноска 41 — А.Б.] *imperator me post triduum ad palatium vocare praecepit proprioque mecum ore locutus ad convivium invitavit magnoque post convivium me meosque asseculas munere donavit*.

⁶² Ср. *Antapodosis* VI, 7 (сноска 53). Также *Antapodosis* VI, 9: *Cumque me ignorare, quid mihi thaumastoteron, id est mirabilius, videretur, edicerem, magno inflatus cachinno, se similiter neque scire, respondit*. А также *Antapodosis* VI, 10: *Adstante itaque me et cum admiratione rem considerante per logothetam, quid super hac re mihi placeret, sciscitatus est imperator*. О подарке императора Лиутпранду ср. *Antapodosis* VI, 10: *Subridens itaque imperator paululum pudore commotus, ut ad se irem, capite innuit palliumque magnum cum aureorum libra, quam libenter dedit, libentius accepi*.

Следовательно, самопрезентацию Лиутпранда в рамках его первой дипломатической миссии можно истолковать как заявление автора о своем желании заниматься подобной деятельностью на службе Оттона I. Опираясь на опыт своего первого посольства 959 — 960 гг. на службе Оттона ко двору императора Романа II, Лиутпранд мог вполне предвидеть, что предстоящая императорская коронация саксонского короля в 962 г. должна была привести к интенсификации дипломатических отношений с Византией. Если, однако, следовать предположению П. Киезы, что последние главы пятой и вся шестая книги были написаны во время второй редакции, после императорской коронации Оттона, тогда сообщение о первом посольстве Лиутпранда представляется чем-то вроде литературного преодоления провала миссии 959 — 960 гг.⁶³.

Стремление Лиутпранда к дипломатической деятельности отчетливо выражено и в более ранних по времени создания книгах *Антаподосиса*. Наряду с презентацией знания греческого, описанием деяний византийских императоров, построек Константинополя и нравов императорского двора,⁶⁴ об этом стремлении свидетельствует и описание семьи Лиутпранда. Согласно *Антаподосису*, как отец, так и отчим Лиутпранда служили послами итальянских королей, причем оба описаны как благочестивые мужи и успешные посланники⁶⁵. Положительные качества отца Лиутпранда (*morum probitas*

⁶³Ср.: Chiesa. 1994 (а): XXX. С гипотезой Киезы можно согласиться в том смысле, что шестая книга *Антаподосиса* называет Оттона I императором; ср. *Antapodosis* VI, 4: (...) *secumque ducentem domini nostri, tunc regis nunc imperatoris, magnis cum muneribus nuntium, Liutefredum scilicet, Magontinum institutorem ditissimum*. Киеза, однако, придерживается мнения, что шестая книга была написана во время или после третьего посольства Лиутпранда в Византию, в 968 — 969 гг.; ср.: Chiesa. 1994 (б): 68 — 69, п. 170.

⁶⁴Подробнее об истории Византии в *Антаподосисе* ср.: Brakhman. 2016: 117 — 124.

⁶⁵Ср. *Antapodosis* III, 22: *Imperabat vero his tunc temporis memoria satis et laude dignus Romanos imperator (...) cui cum propter morum probitatem, tum propter linguae urbanitatem genitorem meum dirigit* [король Хуго I — А. Б.] *nuntium*. Об успешности миссии отца Лиутпранда ср. *Antapodosis* III, 24: *Quos dum praesentaret imperatori, imensa est affectus laetitia, magnoque ab eo genitor munere datus ad Hugonem regem (...) rediit laetus. Denique magno cum honore ab eodem susceptus est imperatore*. О благочестии отца Лиутпранда ср. ebd.: *Post reditum vero eius paucis interpositis solibus langore correptus monasterium petiit sanctaeque conversationis habitum sumpsit, in quo post dies XV mortuus me parvulo derelicto migravit ad Dominum*. Об отчине Лиутпранда и его миссии ср. *Antapodosis* V, 14: *Verum quoniam meus vitricus, vir gravitate ornatus, plenus*

и *linguae urbanitas*)⁶⁶, как и самого автора, — достоинства хорошего дипломата⁶⁷. Параллели между самопрезентацией Лиутпранда в шестой книге *Антаподосиса* и изображением его предков демонстрируют, что семейный портрет был создан с совершенно определенной целью: подчеркнуть, что автор происходит из «хорошей» династии, которая всегда отличалась добродетельными нравами и успехами на дипломатическом поприще. Характеристика отца и отца Лиутпранда является еще одним аргументом в рекомендации автором себя Оттону в качестве посла при византийском дворе.

Можно предположить, что самопрезентация Лиутпранда в *Антаподосисе* выражает недвусмысленное стремление автора стать представителем Оттона I при византийском дворе. Рассказ о первом посольстве Лиутпранда, демонстрирующий его добродетели и дипломатические успехи и созданный после первой дипломатической неудачи на службе Оттона, мог быть, возможно, призван стереть отрицательное впечатление от провала, напомнив о прошлых заслугах. В то же время шестая книга *Антаподосиса* может рассматриваться как заявка на новое дипломатическое поручение, которое Лиутпранд, действительно, через несколько лет получил, отправившись в 968 г. ко двору василевса Никифора II Фоки с целью добиться признания императорского титула Оттона и руки византийской принцессы для его наследника, Оттона II⁶⁸.

Рассказ о миссии Лиутпранда в шестой книге *Антаподосиса* следует, на мой взгляд, рассматривать в качестве особого вида самопрезентации автора, который можно характеризовать как специфический вид дискурса — «литературную инсценировку»⁶⁹: автор представляет самого себя исполняющим желаемый им вид деятельности — самым искусным способом и с идеальными результатами. Этот способ создания собственного образа, отчетливо обнаруживаемый в последней книге *Антаподосиса*, можно наблюдать также и на примере других аспектов самопрезентации Лиутпранда.

sapientia, regis Hugonis fuerat nuntius (...).

⁶⁶Ср. *Antapodosis* III, 22 (сноска 57).

⁶⁷Ср. выше, сноски 51-54.

⁶⁸О посольстве Лиутпранда в Византию в 968-969 гг. ср.: Livdprandi Cremonensis... 1998: 185 — 218.

⁶⁹О театральности произведений Лиутпранда и особенно о влиянии комедий Теренция и сатир Ювенала ср.: *Oldoni*. 1978: 37 — 39; *Oldoni*. 1987: 17 ff. О выражении «литературная инсценировка» см.: *Fischer-Lichte*. 2003: 41 — 42.

Одним из таких примеров является подробная обвинительная речь против епископа Манассы из Арля, ставшего в 934 г. архиепископом Триента. Ожесточенность обвинения Лиутпранда можно, вероятно, объяснить тем, что Манасса получил от короля Хуго (926 — 946 гг.), наряду с другими церковными должностями, епископство Вероны, принадлежавшее ранее другу и наставнику Лиутпранда, Ратхеру⁷⁰. Цель автора недвусмысленно выражена в названиях глав, описывающих поведение Манассы и излагающих обвинение Лиутпранда⁷¹. Задача Лиутпранда — показать неправильное поведение Манассы и осудить его в «обвинительном ответе» (*invektiva responsio*), используя авторитет Писания. Епископ обвиняется в честолюбии (*ambitio*) и разрушении церквей, переданных ему королем; его назначение произошло «вопреки человеческому и божественному закону» (*contra ius fasque*); в своем стремлении к обладанию светскими должностями он движим дьяволом⁷². Затем излагается аргументация Манассы, ссылающегося на апостола Петра⁷³. После чего автор вскрывает ложь Манассы (*veris quidem, sed fraudulentibus assertionibus uteris*): его интерпретация Писания так же лжива, как если бы эту святую книгу толковали дьявол или Юлиан Отступник⁷⁴. Такая искаженная экзегеза Манассы не выдерживает критики перед правильной интерпретацией Лиутпранда⁷⁵. И, наконец, выдвигаются основные обвинения против еписко-

⁷⁰Ср.: *Leyser. 2010*: 808; *Reid. 1991*: 5 — 7; *Staubach. 1989/90*: 484; *Huschner. 2003(2)*: 596.

⁷¹Ср. *Antapodosis IV, incipiunt capitula 6 — 7: Qua ratione Manasses Arelatensis episcopus propriam ecclesiam deseruisse se dicat et aliam adsumpsisse. Et quod invektiva responsione recte se non egisse scripturarum testimoniis comprobetur.*

⁷²Ср. *Antapodosis IV, 6: Hoc in tempore Mannasses, Arelatensis civitatis episcopus (...) deserta sibi commissa ecclesia ambitionis spiritu multas violaturus immo laceraturus ecclesias Italiam petiit. Hugo autem rex (...) contra ius fasque Veronensem, Tridentinam atque Mantuanam commendavit, sed, quod verius est, in escam dedit, ecclesiam. Ac nec his quidem contentus Tridentinam adeptus est marcam, quo impellente diabolo, dum miles esse inciperet, episcopus esse desineret.*

⁷³Ср. *Antapodosis IV, 7: 'Beatus', inquit, 'Petrus Antiocena instituta ecclesia ad Romanam urbem, quae potentiae magnitudine cunctis tunc nationibus imperabat, postmodum transvolavit.' (...).*

⁷⁴Ср. *Antapodosis IV, 7: Diabolus quippe scripturas novit et tamen, ut perversus, perverse eas interpretatur et, cum his utitur, ad perniciem, non ad salutem. (...) Vides igitur: et tu veris quidem, sed fraudulentibus assertionibus uteris, quemadmodum et apostata Iulianus respondisse dicitur Christianis, quos aviditate rapinae censu proprio defraudavit (...).*

⁷⁵Ср. *Antapodosis IV, 7: Si latras, illum, quod omnino falsum est, quaesivisse censum, ego animarum lucrum et comprobo gloriosum martyrium. (...) Venit igitur Petrus non ambitione inflatus sed martirio animatus, non quaerens aurum, sed*

па — симония и алчность⁷⁶.

С одной стороны, как содержание, так и структура проанализированного отрывка обнаруживают признаки обвинительной речи⁷⁷: автор начинает с описания ‘состава преступления’; после чего допускается выступить ‘подсудимому’, чтобы тут же разоблачить ложность его высказываний и окончательно осудить его. Персональное участие автора в фиктивном судебном ‘разбирательстве’ подчеркнуто с помощью применения личных местоимений «я» и «мы», а также соответствующих глагольных форм⁷⁸. Аргументация обвинительной речи — как отметил К. Лейзер — строго придерживается рамок канонического права⁷⁹. Таким образом, можно заключить, что в данном случае мы имеем дело с литературной инсценировкой фиктивного выступления Лиутпранда в качестве обвинителя в церковном суде⁸⁰. С другой стороны, проанализированный отрывок демонстрирует такие навыки автора, как глубокое знание Писания, способность убедительно его толковать, осведомленность в церковном праве, а также риторические способности, которые позволили ему составить яркую обвинительную речь⁸¹.

В 939 г. младший брат Оттона I, Генрих, поднял мятеж против короля вместе с Гизельбертом Лотарингским и герцогом Франконии Эберхардом; победа Оттона над армией мятежников при Биртене предоставила Лиутпранду следующую возможность нагляд-

animarum lucrum.

⁷⁶Ср. *Antapodosis* IV, 7: *Nec inficiari, inquam, potes Veronensem te episcopium minime vendidisse, quod Petro, non cuilibet, sed apostolo illo, numquam didicimus contigisse. Qua ex re non solum spiritali verum etiam corporali honore census animatione te privatum esse cognovimus.* О грехе симонии ср., например: Zimmermann. 1968: 174 — 175.

⁷⁷Лейзер также оценивает разбираемый отрывок *Antapodosis* как обвинительную речь «*In Manasse*»; ср.: Leyser. 2010: 808 — 809.

⁷⁸Ср. *Antapodosis* IV, 7: *Sed ut nobis respondentibus, o Manasses (...); Ita, inquam, es oblitus tui, ut nec hominem quidem te esse reminiscare; (...) Cedo igitur, quid perversius ille quidve foedius te dixisse credendus est? (...) Credo equidem te actus apostolorum non intellexisse, aut, quod credibilis est, minime legisse.* Ср. также сноски 66 — 67.

⁷⁹Ср.: Leyser. 2010: 800-808.

⁸⁰О церковном суде в эпоху раннего средневековья ср.: Wolter. 1988: 473 — 474.

⁸¹Обширные познания Лиутпранда в теологии и Писании наглядно демонстрируют указатели, составленные Къезой; ср.: Chiesa. 1998: 221 — 223; Chiesa. 1998: 224 — 233.

но продемонстрировать свои навыки духовного лица. За описанием сражения следует подробное объяснение автора, что Оттон одержал победу с Божьей помощью (*Deo disponente*)⁸². Согласно толкованию Лиутпранда, победа случилась по божественной воле, чтобы укрепить веру «слабых» (*ob infirmorum fidem*), возлагающих на войне надежду только на силу армии, а также как возведение божественной любви к королю и ко всем людям, которая открылась через моральное испытание, пройденное Оттоном⁸³. При этом первая часть интерпретации подкрепляется аналогией с историей Фомы Неверующего, чье сомнение по высшей воле послужило укреплению веры людей в воскрешение Христа⁸⁴. Любовь человека к Богу, провозглашенная через пройденное Оттоном испытание, иллюстрируется историей о жертве Авраама⁸⁵; знание Бога о любви человека к нему - наказом воскресшего Иисуса апостолу Петру пасти его овец⁸⁶.

Толкование победы Оттона при Биртене не только показывает способности автора к экзегезе, но также обнаруживает и определенные признаки проповеди, как заметил К. Лейзер⁸⁷. Интерпретация Лиутпрандом битвы при Биртене демонстрирует почти все характерные признаки жанра проповеди: позиция автора — автори-

⁸²Ср. *Antapodosis* IV, *incipiunt capitula* 26: *Argumentum ex scripturis sanctis, quod huiusmodi victoria sive bellum non fortuitu, sed Deo disponente provenerit*. Ср. также *Antapodosis* IV, 26: *Libet autem paululum immorari et, quod non fortuitu, sed Deo disponente haec ita acciderint, enarrare*.

⁸³Ср. *Antapodosis* IV, 26: *Bone itaque rex, non ob tuam hoc, sed ob infirmorum actum est fidem, qui victoriam non nisi in multitudine putant consistere et humanas res non nisi fortuitu provenire*. (...) *Et haec ratio est, quod te in paucis orando voluit vincere, ut et in se sperantes ad amorem sui magis accenderet et, te quantum diligeret, nescientibus indicaret*. Там же, далее: *Sic itaque, sic, rex piissime, insperata ob militum paucitatem victoria divinae consilium providentiae fuit, volens mortalibus indicare, quam carus Deo esset, qui orando tam inmensum cum paucissimis triumphum optinere promeruit*. Там же, далее: *Sancti etenim viri, quid virtutis habeant et quanti in conspectu divini examinis consistent, nisi probaverint, ignorant* (...).

⁸⁴Ср. *Antapodosis* IV, 26: *Si tu non dubitares, non ego tam firmiter crederem*. (...) *Et quod Thomas dubitavit, non fors, sed divina dispensatio fuit*.

⁸⁵Ср. *Antapodosis* IV, 26: *Noverat enim Dominus, et ante quam filium immolare vellet, quanta Abraham patriarcha sanctus eum caritate diligeret; sed is qui diligebat, quam perfecte diligeret, non novit, donec per dilecti filii immolationem apertissime claruit*.

⁸⁶Ср. *Antapodosis* IV, 26: *O sancte Petre, melius quam tu te novit, qui fecit te. Tu profiteris, quemadmodum putas, veram fidem; sed qui, priusquam fiant omnia novit, ter se negaturum te esse praedixit*.

⁸⁷Ср. *Leyser*. 1994: 122-123. Ср. также: *Keller*. 1985: 308.

тетного интерпретатора божественной воли, дидактический модус текста, вопросы веры как основная тема изложения, привлечение священных текстов и, наконец, такие признаки устного дискурса, как обращение автора к аудитории в первом и втором лице⁸⁸. Таким образом, мы имеем дело с еще одним примером литературной инсценировки, а именно с изображением Лиутпранда в качестве проповедника⁸⁹. Так же, как и в случае обвинительной речи против Манассы, на участие автора в инсценированной ситуации указывают глаголы в первом и втором лице⁹⁰. Аудиторией для проповедника является сам Оттон I, на что указывают прямые обращения к нему⁹¹.

Итак, можно зафиксировать следующий важный аспект самопрезентации Лиутпранда. В случаях литературной инсценировки, рассмотренных выше, демонстрируются навыки священнослужителя - глубокое знание Писания, осведомленность в каноническом праве и способности к экзегезе. На эту же сферу деятельности указывают фиктивные ситуации — обвинительная речь в церковном суде и произнесение проповеди; к этому присоединяется демонстрация риторического мастерства, позволяющего составить убедительную речь в обоих жанрах. Образ самого себя, созданный Лиутпрандом в *Antapodosis*, выражает, таким образом, стремление получить достойное место в церковной иерархии. Это желание выражено столь же отчетливо, как и стремление к дипломатической деятельности. Вопрос о конкретной должности остается, разумеется, открытым: речь могла идти о месте придворного капеллана или же о епископстве; свое стремление получить сан епископа Лиутпранд

⁸⁸Ср.: Kienzle. 2000: 152 — 157. Ср. также: Hall. 2000: 210. Обращение в первом и втором лице ср. сноски 75 — 76 и 78.

⁸⁹Как и епископ, диакон имел право произносить проповеди; ср.: Kienzle. 2000: 152.

⁹⁰Ср. сноску 76. Ср. также *Antapodosis* IV, 26: *Sancti etenim viri, quid virtutis habeant et quanti in conspectu divini examinis consistent, nisi probaverint, ignorant; quod ad Abraham filium immolare cupientis ex verbis angeli dicentis colligere possumus (...)*. Ср. там же, далее: *Possumus et hanc ex beati Petri promissione sententiam approbare (...)*. И там же, далее: *Scimus enim, quia et si cum XII milibus legionibus transires ac victoriam optineres, non eam tibi, sed Domino, imputares.*

⁹¹Ср. *Antapodosis* IV, 26: *Bone itaque rex (...) Et haec ratio est, quod te in paucis orando voluit vincere, (...) et, te quantum diligeret, nescientibus indicaret. (...) Sic itaque, sic, rex piissime.* Ср. также *Antapodosis* IV, 26: *Scimus enim, quia et si cum XII milibus legionibus transires ac victoriam optineres, non eam tibi, sed Domino, imputares.*

недвусмысленно выразил в более позднем произведении, *Пасхальной проповеди*⁹².

Литературная инсценировка — важное, но не единственное средство, используемое автором при создании собственного положительного образа. Четырнадцать поэтических отрывков *Антаподосиса* должны были показаться раннесредневековому читателю столь же необычными, как и многочисленные греческие выражения. В своем произведении Лиутпранд обращается к форме изложения, объединяющей прозу и поэзию, а именно к прозиметру. Стимулом для выбора такой необычной формы могла стать одна из книг произведения друга и наставника Лиутпранда, Ратхера Веронского, *Phrenesis*⁹³. Лиутпранд следует самому знаменитому в Средневековье образцу прозиметра, трактату Боэция *Утешение философией*, либо самостоятельно, либо вдохновленный примером Ратхера⁹⁴, как установил Б. Пабст. Несомненным признаком следования трактату Боэция является применение нескольких метрических форм, которое соответствует боэциевскому принципу полиметрии, а также выбор стоп (сапфическая строфа, гликоней, диметр, асинартет, тетраметр)⁹⁵. Тематика поэтических отрывков *Антаподосиса* — речи и описания битв — указывает на еще один важный для Средневековья образец прозиметра, *О бракосочетании Филологии и Меркурия* Марциана Капеллы⁹⁶.

Как показал Пабст, прозиметр занимал высокое положение в средневековой поэтике: он соответствовал как общему эстетическому принципу *variatio* (разнообразие формы ради отдохновения слушателя), так и наивысшему требованию сочетания дидактики — «пользы» (*utilitas*) — и «удовольствия» (*delectatio*). Все это осуществлялось посредством чередования прозы и поэзии⁹⁷. Согласно точке зрения средневековых комментаторов, прозиметр позволял обращаться одновременно как к разуму, так и к чувству читателя; стихотворные пассажи должны были «подсластить» трудный ма-

⁹²Об этом см. выше, в начале статьи.

⁹³Ср.: Staubach. 1989/90: 475-483; Pabst. 1994: 796 — 803; 1066 — 1067.

⁹⁴*Утешение философией* цитируется в *Антаподосисе* 18 раз; ср.: Chiesa. 1998: 225 — 226. Трактат Боэция входил в число произведений, составлявших в X в. образовательный канон; ср.: Pabst. 1994: 220 — 221.

⁹⁵Ср.: Pabst. 1994: 798 — 799.

⁹⁶Ср.: Pabst. 1994: 800 — 803.

⁹⁷Ср.: Pabst. 1994: 294 — 307.

териал и таким образом облегчить его запоминание⁹⁸. Несмотря на высокую эстетическую оценку, прозиметр не использовался в раннесредневековой историографии; по оценке Пабста, *Антаподосис* оказывается первым текстом «с полностью развитой прозиметрической формой»⁹⁹.

Стилистическое оформление *Антаподосиса* демонстрирует, следовательно, выдающиеся познания автора в области риторики, которые для восточнофранкской аудитории должны были казаться столь же исключительными, как и его знание греческого языка¹⁰⁰. Вопрос о том, могли ли метрические тонкости поэзии Лиутпранда¹⁰¹ быть оценены восточнофранкскими адресатами его произведения или они все же были созданы главным образом для иного адресата, ученого Ратхера Веронского, остается открытым¹⁰².

Благодаря обучению в павийской школе, Лиутпранд обладал богатой эрудицией, которая выделяла его среди современников к северу от Альп: ему, вероятно, были известны многочисленные классические, позднеантичные и средневековые ученые, философы, поэты, сатирики и историографы¹⁰³. Сопоставление уровня образования Лиутпранда и его современников среди оттоновских историографов, а также круга авторов, достоверно известных в саксонской империи, позволяет сделать вывод о его необыкновенной начитанности¹⁰⁴. Хотя Хушнер справедливо замечает, что «эрудиция Лиутпранда в Свободных Искусствах не представляла исключения в северной Италии»,¹⁰⁵ однако можно констатировать, что, наряду с двумя другими выдающимися итальянскими учеными, Стефаном Новарским и Ратхером Веронским, он принадлежал к наиболее образованным клирикам при дворе Оттона I.

⁹⁸Ср.: Pabst. 1994: 294 — 307.

⁹⁹Ср.: Pabst. 1994: 982 — 983.

¹⁰⁰Помимо *Антаподосиса*, в первой половине X в. в Санкт-Галлене прозиметром были написаны три жития; ср.: Pabst. 1994: 788 — 789.

¹⁰¹Наряду с названными выше боэциевскими стопами, половина стихов написана более употребительным гекзаметром, несколько других — дистихом; ср.: Pabst. 1994: 798.

¹⁰²О Ратхере Веронском как одном из адресатов *Антаподосиса* ср.: Brakhman. 2016. S. 65 — 71.

¹⁰³Ср.: Chiesa. 1998. P. 224 — 233.

¹⁰⁴Ср.: Brakhman. 2016: 255 — 258. О разнице в уровне образования к северу и югу от Альп в IX — X вв. ср.: Huschner. 2003(2): 447 ff.

¹⁰⁵Ср.: Huschner. 2003(2): 454.

Если рассматривать случаи прямого цитирования античных авторов и их произведений (дословно или с незначительными изменениями) либо упоминания имен¹⁰⁶ — и сравнить их со списком авторов, достоверно известных в саксонской империи,¹⁰⁷ то можно заключить, что в своих заимствованиях из античной литературы Лиутпранд придерживался границ образовательного канона, знакомого его адресатам¹⁰⁸. Среди произведений, напрямую процитированных в *Антаподосисе*, выделяется лишь сатира Лукиана *Сновидение, или Петух*, которая, вероятно, не была известна в восточнофранкском королевстве. При этом начитанность Лиутпранда выходила далеко за пределы образовательного канона региона к северу от Альп, поэтому описанный способ заимствований из классической литературы нужно понимать как стратегию, направленную на достижение двух целей: с одной стороны, она должна была подчеркнуть эрудицию сочинителя и стилистическую красоту его языка; с другой стороны, автор, очевидно, воздерживался от того, чтобы восточнофранкские адресаты его текста (такие как Вильгельм Майнцский)¹⁰⁹ напрямую столкнулись с неизвестным им содержанием.

Особый интерес оттоновского окружения к образованию и учености можно наблюдать не только на примере взлета монастырских и епископских школ (поддержанных королевским двором), первая волна которого пришлась на 950-е годы, время создания *Антаподосиса*, а вторая, наиболее заметная, — на последнюю треть X столетия¹¹⁰. Вероятно, еще более зримым доказательством заинтересованности оттоновского окружения были для Лиутпранда биографии его ученых соотечественников, Стефана Новарского и Ратхера Веронского, которых автор, возможно, знал и лично¹¹¹. По распо-

¹⁰⁶Об использовании Лиутпрандом трактата Бозция ср. сноски 85-86; других авторов — ср. *Oldoni*. 1987: 7 — 35; *Giovanni*. 2002: 87 — 111. Полный список античных авторов и произведений, напрямую цитируемых в *Антаподосисе*, см.: *Brakhman*. 2016: 57 — 58, сноска 112.

¹⁰⁷Ср.: *Brakhman*. 2016: 255 — 258.

¹⁰⁸Под образовательным канонem понимается список произведений античной литературы, изучавшихся в большинстве школ восточнофранкского королевства.

¹⁰⁹О Вильгельме Майнцском как адресате *Антаподосиса* ср.: *Brakhman*. 2016: 71 ff.

¹¹⁰Ср.: *Fleckenstein*. 1989: 187 — 188; 190 ff; *Huschner*. 2003(2): 447 ff.

¹¹¹О Стефане Новарском и Ратхере Веронском см. сноски 98-99. О возможном знакомстве Лиутпранда и Стефана ср.: *Hoffmann*. 2006: 501; о возможном

ряжению Оттона в 951 — 952 гг. Стефан Новарский, преподававший в павийской школе, стал главой монастырской школы в Вюрцбурге¹¹². Изгнанный из своего епископства Ратхер неоднократно находил в 950-е и 960-е годы поддержку со стороны членов саксонского дома, как светского (Оттон и его старший сын Людольф), так и духовного происхождения (кельнский архиепископ Бруно и архиепископ Майнца Вильгельм)¹¹³. Таким образом, высокая оценка образования и учености со стороны Оттона и его окружения была для Лиутпранда очевидной. Демонстрация эрудиции автора в *Антаподосисе* является, следовательно, выражением стремления Лиутпранда к повышению своего социального статуса. В отличие от других аспектов его самопрезентации, в данном случае автор не указывает на конкретную сферу деятельности при дворе.

Антаподосис можно рассматривать как заявление автора о своем стремлении служить при дворе Оттона I и, частично, как оправдание измены королю Беренгару II. Представляя в выгодном свете присущие ему знания и способности, Лиутпранд доказывает, что может нести службу в различных сферах: в качестве посланника при византийском дворе или ученого клирика (возможно, придворного капеллана). Изученные аспекты самопрезентации этого интеллектуала X в. недвусмысленно выражают его стремление к повышению собственного социального статуса в целом и к определенному виду деятельности: соответствующие навыки и познания демонстрируются либо в реально существующих, либо в воображаемых обстоятельствах. Обнаруживаются также интересные переклички с биографией Лиутпранда — его дипломатическими миссиями по поручению Оттона в 959 — 960 и 968 — 969 гг., а также возможным, хотя и не подтвержденным принятием в придворную капеллу¹¹⁴.

знакомстве с Ратхером ср.: *Staubach*. 1989/90: 484.

¹¹²Ср.: *Hoffmann*. 2006: 485 — 503 ; *Petersohn*. 1997: 338.

¹¹³Ср.: *Reid*. 1991: 7 — 8.

¹¹⁴О ранних этапах карьеры Лиутпранда ср. выше, сноски 19 — 21. В качестве епископа Кремоны Лиутпранд впервые упоминается 14 января 962 г.; ср. выше, сноску 1. О посольстве к византийскому двору 968 — 969 гг. ср. выше, сноску 64.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

RI. II,1 - *Böhmer J. F.* Regesta Imperii II. Sächsisches Haus 919-1024. 1: Die Regesten des Kaiserreichs unter Heinrich I. und Otto I. 919-973 Innsbruck, 1893. URL: http://www.regesta-imperii.de/-regesten/suche/result/nr/0956-02-02-1-0-2-1-1-472-241a.html?tx_hisodat_sources%5BsearchMode%5D=20&tx_hisodat_sources%5Baction%5D=show&tx_hisodat_sources%5Bcontroller%5D=Sources&tx_hash=aaae059c5b47773ad13d028447390517#rnav (дата обращения: 16.11.2023).

ИСТОЧНИКИ

Liudprand von Cremona. Antapodosis V, 30 // Die Werke Liudprands von Cremona. Hannover, Leipzig. 1915. S. 1 — 158.
Livdprandi Cremonensis Relatio de legatione Constantinopolitana / A cura di P. Chiesa. *Liudprandi Cremonensis opera omnia.* Turnholti, 1998.
Livdprandi Cremonensis Homelia paschalis / A cura di P. Chiesa. *Liudprandi Cremonensis opera omnia.* Turnholti, 1998.

ЛИТЕРАТУРА

Adamska A. The Study of Medieval Literacy: Old Sources, New Ideas // The Development of Literate Mentalities in East Central Europe (Utrecht studies in medieval literacy. Vol. 9). Turnhout, 2004. P. 13 — 47.
Airlie S. I. Agobard, unworthy bishop // Ego trouble. Authors and Their Identities in the Early Middle Ages (Forschungen zur Geschichte des Mittelalters 15). Wien, 2010. S. 175 — 184
Althoff G. Causa scribendi und Darstellungsabsicht: Die Lebensbeschreibungen der Königin Mathilde und andere Beispiele // Litterae medii aevi. Festschrift für Johanne Autenrieth zu ihrem 65. Sigmaringen, 1988. S. 117 — 133.
Althoff G. Das argumentative Gedächtnis. Anklage- und Rechtfertigungsstrategien in der Historiographie des 10. und 11. Jahrhunderts // Inszenierte Herrschaft. Darmstadt. 2003. S. 126 — 149 (a).
Althoff G. Die Macht der Rituale. Darmstadt, 2003 (b).
Althoff G. Geschichtsschreibung in einer oralen Gesellschaft. Das Beispiel des 10. Jahrhunderts // Idem. Inszenierte Herrschaft. Geschichtsschreibung und politisches Handeln im Mittelalter. Darmstadt, 2003. S. 105 — 125 (c).
Althoff G. Inszenierte Herrschaft. Darmstadt, 2003 (d).
Althoff G. Zur Bedeutung symbolischer Kommunikation für das Verständnis des Mittelalters // Frühmittelalterliche Studien. 1997. Vol. 31. S. 370 — 389.
Althoff G., Coué S. Pragmatische Geschichtsschreibung und Krisen. I. Zur Funktion von Brunos Buch vom Sachsenkrieg. II. Der Mord an Karl dem Guten (1127) und die Werke Galberts von Brügge und Walters von Théroutanne // Pragmatische Schriftlichkeit im Mittelalter. Erscheinungsformen und Entwicklungsstufen. München, 1992. S. 95 — 129.

Althoff G. Adels- und Königsfamilien im Spiegel ihrer Memorialüberlieferung. Studien zum Totengedenken der Billunger und Ottonen. München, 1984.

Berschin W. Liudprands Griechisch und das Problem einer überlieferungsgerechten Edition // *Mittelateinisches Jahrbuch*. 1985. Vol. 20. S. 112 — 115.

Bischoff B. Das griechische Element in der abendländischen Bildung des Mittelalters // *Byzantinische Zeitschrift*. 1951. Bd. 44. S. 26-55.

Bischoff B. Eine Osterpredigt Liutprands von Cremona // *Anecdota novissima. Texte des vierten bis sechzehnten Jahrhunderts (Quellen und Untersuchungen zur lateinischen Philologie des Mittelalters 7)*. Stuttgart, 1984. S. 20 — 34.

Bobrycki Sh. Nigellus, Ausulus: Self-promotion, Self-suppression and Carolingian Ideology in the Poetry of Ermold // *Ego trouble: Authors and Their Identities in the Early Middle Ages*. Wien, 2010. P. 161 — 174, P. 169 ff.

Braga G. Moralia in Iob: Epitomi dei secoli VII — X e loro evoluzione // *Grégoire le Grand / Ed. J. Fontaine, R. Gillet, S. Pellistrandi*. P., 1986. P. 561 — 568.

Brakhman A. Außenseiter und ‚Insider‘: Kommunikation und Historiografie im Umfeld des ottonischen Herrscherhofes. (Historische Studien. Bd. 509). Husum, 2016.

Bund K. Thronsturz und Herrscherabsetzung im Frühmittelalter. Bonn, 1979. S. 545 — 547.

Chiesa P. Index auctorum // // *Liudprandi Cremonensis opera omnia*. Turnholti, 1998. P. 224 — 233.

Chiesa P. Introduzione // *Liudprandi Cremonensis opera omnia*. Turnholti, 1998. P. XCV — XCVI.

Chiesa P. Index locorum S. Scripturae // *Liudprandi Cremonensis opera / Ed. P. Chiesa*. P. 221 — 223.

(a) *Chiesa P.* Testi provvisori, varianti d'autore, copie individuali. Il caso dell'Antapodosis di Liutprando // *La critica dei testi mediolatini. Atti del convegno / A cura di C. Leonardi*. Spoleto, 1994. V. 5. P. 323 — 337.

(6) *Chiesa P.* Liutprando di Cremona e il codice di Frisinga. Turnhout, 1994. Clm. 6388.

Classen A. Communication in Medieval Studies // *Handbook of medieval studies*. Berlin, 2010. P. 330 — 343.

Codex Diplomaticus Cremoniae. *Historia Patriae Monumenta*. 1895. Ser. II. Vol. XXI.

Dartmann Ch. Zur Einführung: Dimensionen mittelalterlicher Schriftkultur zwischen Pragmatik und Performanz // *Zwischen Pragmatik und Performanz: Dimensionen mittelalterlicher Schriftkultur (Utrecht Studies in Medieval Literacy. Vol. 18)*. Turnhout, 2011. S. 1 — 23

Depkat V. Kommunikationsgeschichte zwischen Mediengeschichte und der Geschichte sozialer Kommunikation. Versuch einer konzeptionellen Klärung // *Medien der Kommunikation im Mittelalter*. Stuttgart, 2003. S. 9 — 48.

Finger H. Spuren von Griechischkenntnissen in Frauenklöstern und Kanonissenstiften des frühen Mittelalters // *Fromme Frauen als gelehrte Frauen. Bildung, Wissenschaft und Kunst im weiblichen Religiosentum des Mittelalters und der Neuzeit; öffentliche internationale Tagung der Diözesan- und Dombibliothek Köln (1. bis 4. April) / Hrsg. von E. Klüeting*. Köln, 2010. S. 60 — 82.

Fischer-Lichte E. Inszenierung, Ritual. Zur Klärung kulturwissenschaftlicher Begriffe // Geschichtswissenschaft und "performative turn". Ritual, Inszenierung und Performanz vom Mittelalter bis zur Neuzeit. / Hrsg. von J. Martschukat, St. Patzold. Köln, Weimar, Wien. 2003. 287 s.

Fleckenstein J. Ordnungen und formende Kräfte des Mittelalters. Ausgewählte Beiträge. Göttingen, 1989.

Fleckenstein J. Die Hofkapelle der deutschen Könige. Stuttgart, 1966.

Giovanni M. Ut Flaccus dicit. L'Antapodosis e Orazio: forme dell'intertestualità // Maia. Rivista di letterature classiche 2002. Vol. 54. P. 87 — 111.

Goetz H.-W. Moderne Mediävistik. Darmstadt, 1999.

Hall Th. The Early Medieval Sermon // The Sermon (Typologie des sources du Moyen âge occidental — Université Catholique de Louvain, Institut d'Études Médiévales 81/83) / Ed. B. Kienzle. Turnhout, 2000. P. 203 — 269.

Hauck K. Erzbischof Adalbert von Magdeburg als Geschichtsschreiber // Festschrift für Walter Schlesinger. Köln, 1974. S. 276 — 353.

Hoffmann H. Autographa des früheren Mittelalters // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 2001. Bd. 57. S. 1 — 62.

Hoffmann H. Notare, Kanzler und Bischöfe am ottonischen Hof // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 2005. Bd. 61. S. 435 — 480.

Hoffmann H. Die ältere Burchardvita, die jüngere Kilianspassio und Stephan von Novara // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 2006. Bd. 62. Heil 2. S. 485 — 504.

Homily of Liutsios, the Italian Deacon // The Complete Works of Liudprand of Cremona (Medieval Texts in Translation). Washington, 2007. P. 203 — 218.

Hunger H. Liudprand von Cremona und die byzantinische Trivalliteratur // Byzanz und das Abendland im 10. und 11. Jahrhundert / Hrsg. von E. Konstantinou. Köln, 1997. S. 197 — 206.

Huschner W. Transalpine Kommunikation im Mittelalter. Diplomatische, kulturelle und politische Wechselwirkungen zwischen Italien und dem nordalpinen Reich (9. — 11. Jahrhundert). 3 Bde. Hannover, 2003. Bd. 2-3.

Jessen H. Die Wirkungen der augustinischen Geschichtsphilosophie auf die Weltanschauung und Geschichtsschreibung Liudprands von Cremona. Greifswald, 1921.

Karpf E. Herrscherlegitimation und Reichsbegriff in der ottonischen Geschichtsschreibung des 10. Jahrhunderts. Stuttgart, 1985.

Kommunikation / Hrsg. von H. Röckelein. Berlin, 2001.

Keller H. Herrscherbild und Herrschaftslegitimation. Zur Deutung der ottonischen Denkmäler // Frühmittelalterliche Studien. 1985. Bd. 19. S. 290 — 311.

Kienzle B. Introduction // The Sermon (Typologie des sources du Moyen âge occidental — Université Catholique de Louvain, Institut d'Études Médiévales 81/83) / Ed. B. Kienzle. Turnhout, 2000. P. 143 — 174.

Koder J. Liutprand von Cremona und die griechische Sprache // Liutprand von Cremona in Konstantinopel. Untersuchungen zum griechischen Sprachschatz und zu realienkundlichen Aussagen in seinen Werken / Hrsg. von J. Koder, Th. Weber. Wien, 1980. S. 9 — 70.

Körntgen L. Königsherrschaft und Gottes Gnade. Zu Kontext und Funktion sakraler Vorstellungen in Historiographie und Bildzeugnissen der ottonisch-frühsalischen Zeit (Orbis mediaevalis 2). Berlin, 2001.

Leyser C. Episcopal Office in the Italy of Liudprand of Cremona, c. 890 — c. 970 // *English Historical Review*. 2010. №125 (515). P. 795-817.

Leyser K. J. Liudprand of Cremona: Preacher and Homilist // *Communications and Power in Medieval Europe. The Carolingian and Ottonian Centuries* / Ed. K. J. Leyser, T. Reuter. L., 1994. P. 111 — 124.

Medialität im Mittelalter / Hrsg. von K. Kellermann. Berlin, 2005.

Medien der Kommunikation im Mittelalter. Stuttgart, 2003.

Meier Ch. Der *rex iniquus* in der lateinischen und volkssprachigen Dichtung des Mittelalters // Heinrich IV. / Hrsg. von G. Althoff. Ostfildern, 2009. S. 13 — 69.

Modelle des Medialen im Mittelalter / Hrsg. von Ch. Kiening, M. Stercken. u.l., 2010.

Mostert M. Introduction // *A Bibliography of Works on Medieval Communication (Utrecht Studies in Medieval Literacy Vol. 2)*. Turnhout, 2012.

Nelson J. Hincmar of Rheims on King-Making: the Evidence of the Annals of St. Bertin, 861 — 882 // *Coronations: Medieval and Early Modern Monarchic Ritual* / Bak J. M. Calif, 1990. P. 16 — 34.

Nelson J. History-writing at the Courts of Louis the Pious and Charles the Bald // *Historiographie im frühen Mittelalter (VIÖG 32)* / Scharer A., Scheibelreiter G. Wien, 1994. P. 435 — 442.

Nelson J. Public «Histories» and Private History in the Work of Nithard // *Speculum* 60. 1985. P. 251 — 293.

Nerlich D. Diplomatische Gesandtschaften zwischen Ost- und Westkaisern 756 — 1002. Bern, 1999.

New Approaches to Medieval Communication // *Utrecht studies in medieval literacy*. Turnhout, 1999. Vol. 1.

Oldoni M. Tecniche di scena e comportamenti narrativi nel teatro profano mediolatino (secoli IX — XIII) // *Il contributo dei giullari alla drammaturgia italiana delle origini* / A cura F. Doglio. Roma, 1978. P. 27 — 50.

Oldoni M. Liutprando oltre il magazzino delle maschere // *Liutprando di Cremona. Italia e Oriente alle soglie dell'anno mille* / A cura di M. Oldoni. Novara, 1987. P. 7 — 35.

Pabst B. Prosimetrum: Tradition und Wandel einer Literaturform zwischen Spätantike und Spätmittelalter. Köln, 1994. 2 Bde.

Petersohn J. Bildung und Buchwesen, lateinische Literatur und Wissenschaft // *Handbuch der bayerischen Geschichte*. / Hrsg. von A. Kraus. München, 1997. Bd. 3,1. S. 331 — 369.

Petersohn J. Die Kilians- und Burkardsviten des frühen und hohen Mittelalters. Neue Erkenntnisse und Sichtweisen // *Würzburger Diözesangeschichtsblätter* 70. 2008. S. 13 — 44.

Pohl W. Einleitung: Vom Nutzen des Schreibens // *Vom Nutzen des Schreibens (Denkschriften/Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse 306)*. Wien, 2002.

Reid P. L. D. Introduction // *The Complete Works of Rather of Verona*, transl. and notes by P. L. D. Reid / Ed. P. L. D. Reid. Binghamton, 1991. P. 3 — 16.

Reid P. L. D. Tenth-Century Latinity. Rather of Verona. Malibu, 1981. Religiosità e civiltà — Le comunicazioni simboliche (secoli IX — XIII). Atti del Convegno Internazionale Domodossola, Sacro Monte e Castello di Mattarella, 20 — 23 Settembre 2007 (Storia Ricerche) / A cura di G. Andenna. Milano, 2009.

Scharff Th. Die Kämpfe der Herrscher und der Heiligen. Krieg und historische Erinnerung in der Karolingerzeit. Darmstadt, 2002.

Schreiner P. Zur griechischen Schrift im hochmittelalterlichen Westen: Der Kreis um Liutprand von Cremona // Römische Historische Mitteilungen. Wien, 2003. Bd. 45. S. 305 — 318.

Staubach N. Historia oder Satira? Zur literarischen Stellung der Antapodosis Liudprands von Cremona // Lateinische Kultur im X. Jahrhundert / Hrsg. von W. Berschin. Stuttgart, 1989/90. S. 461-487.

Staubach N. Graecae Gloriam. Die Rezeption des Griechischen als Element spätkarolingisch-frühottonischer Hofkultur // Kaiserin Theophanu. Die Begegnung des Westens mit dem Osten. Kongreßakten des 4. Symposiums des Mediävistenverbandes in Köln 1991 aus Anlaß des 1000. Todesjahres der Kaiserin Theophanu. Sigmaringen, 1993. S. 343 — 368.

Stollberg-Rilinger B. Symbolische Kommunikation in der Vormoderne. Begriffe — Thesen — Forschungsperspektiven // Zeitschrift für historische Forschung. 2004. 31. S. 489 — 527.

Sutherland J. N. Liudprand of Cremona, Bishop, Diplomat, Historian. Studies of the Man and His Age (Biblioteca degli studi medievali 14). Spoleto, 1988.

Tischler M. M. Einharts Vita Karoli. Studien zur Entstehung, Überlieferung und Rezeption. 2 Bde. Hannover, 2001. Bd. 1. S. 166 — 171, S. 177 — 187, S. 196 — 199, S. 205 — 210.

Wagner W. E. Das Gebetsdenken der Liudolfinger im Spiegel der Königs- und Kaiserurkunden von Heinrich I. bis zu Otto III // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1994. Bl. 40. S. 1-78.

Werner K.F. Gott, Herrscher und Historiograph. Der Geschichtsschreiber als Interpret des Wirkens Gottes in der Welt und Ratgeber der Könige (4. bis 12. Jahrhundert) // Deus qui mutat tempora. Menschen und Institutionen im Wandel des Mittelalters. Festschrift Alfons Becker. Sigmaringen, 1987. S. 1 — 32.

Wolter H. Die Synoden im Reichsgebiet und in Reichsitalien von 916 bis 1056. Paderborn, 1988. S. 473 — 474.

Zimmermann H. Papstabsetzungen des Mittelalters. Graz, 1968.

ОБ АВТОРАХ

Брахман Анастасия Александровна — PhD., специалист по раннесредневековой политической истории, политической коммуникации Оттоновского времени.

Омельченко Дарья Михайловна — к.и.н., научный сотрудник Лаборатории комплексного исследования рукописных памятников Санкт-Петербургского института истории РАН. Сфера интересов: поздняя Античность, история христианства, Южная Галлия.

Шокарев Сергей Юрьевич — к.и.н., старший научный сотрудник Лаборатории древнерусской культуры ШАГИ РАНХиГС, специалист по истории России Нового времени.

Мельник Александр Гаврилович — д.и.н., зав. Архитектурным отделом ГМЗ «Ростовский кремль», специалист по древнерусской истории и культам святых.

Евстратов Антон Геннадьевич — к.и.н., доцент кафедры Всемирной истории и зарубежного регионоведения Российско — Армянского университета (Ереван, Армения), специалист по религиозным, идеологическим и политическим процессам на Ближнем Востоке, автор учебного пособия по политическому исламу, журналист - международник.

Майзульс Михаил Романович — к.и.н., старший научный сотрудник Центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ.

Келлер Андрей Викторович — д.и.н., PhD., с.н.с. Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, специалист по Новой и Новейшей истории, истории педагогики.

Бычков Павел Сергеевич — м.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по

культуре Франции, Англии и Нидерландов XIV — XVI вв.

Пименова Людмила Александровна — к.и.н., доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, сфера научных интересов: история Франции раннего Нового времени.

Болдырева Наталья Андреевна — к.и.н., н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по английскому антикварному знанию XVI — начала XVII вв., англо-русским культурным связям XVI — XVII вв.

Левинсон Кирилл Алексеевич — к.и.н., PhD. Сфера научных интересов: социальная история науки и образования в Новое и Новейшее время.

Герштейн Анна Борисовна — к.и.н., н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории репрезентации власти и символической коммуникации в Средние века, феномену монархического самозванчества в средневековой Европе.

Луцицкая Светлана Игоревна — д.и.н., в.н.с., зав. Центра исторической антропологии ИВИ РАН, специалист по истории крестовых походов и христианских представлений об исламе.

Окунева Ольга Владимировна — к.и.н., PhD., специалист по истории Франции Нового времени, французским колониям в Южной Америке.

Ганина Наталия Александровна — д.филол.н., профессор кафедры германской и кельтской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова, специалист по истории немецкого языка, истории и культуре древних германцев, средневековой латинской и немецкой палеографии.

Уваров Павел Юрьевич — член-корр. РАН, д.и.н., зав. Отделом западноевропейского Средневековья ИВИ РАН, специалист в области западноевропейской истории Средних веков и раннего Нового времени, истории Франции, истории университетов, социальной истории Европы.

Яцык Светлана Александровна — к.и.н., научный сотрудник Центра истории, археологии и литературы христианских и мусульманских миров средневековья (CINAM) Национального центра научных исследований (CNRS), главный редактор журнала «*Vox medii aevi*», специалист в области интеллектуальной истории францисканского ордена, истории проповедей и автоматической транскрипции рукописей.

ABSTRACTS

A.A. Brahman

ANTAPODOSIS BY LIUTPRAND OF CREMONA, OR HOW TO GET A JOB AT THE SAXON COURT IN THE 10TH CENTURY

The article represents the peculiarities of self-representation and the methods of its construction by a clergyman of the 10th century Liutprand of Cremona in his works «Antapodosis» and «Homelia Paschalis». Recreating the features of Liutprand's biography from sources and analyzing the latest historiography, the author proves that portraying himself as a skilled diplomat, scientist and intellectual, a connoisseur of the Greek language, Liutprand aimed to make a career at the court of Emperor Otto I, trying to achieve appointment as an ambassador, and later as a minister of the imperial chapel. Liutprand needed to overcome the memory of his disloyalty to the previous king and to show himself a faithful servant of the ruler. To do this, he uses biblical imagery, and also adopts rhetoric from Gregory the Great's «Moralia in Job». The article represents the peculiarities of self-representation and the methods of its construction by a clergyman of the 10th century Liutprand of Cremona in his works «Antapodosis» and «Homelia Paschalis». Recreating the features of Liutprand's biography from sources and analyzing the latest historiography, the author proves that portraying himself as a skilled diplomat, scientist and intellectual, a connoisseur of the Greek language, Liutprand aimed to make a career at the court of Emperor Otto I, trying to achieve appointment as an ambassador, and later as a minister of the imperial chapel. Liutprand needed to overcome the memory of his disloyalty to the previous king and to show himself a faithful servant of the ruler. To do this, he uses biblical imagery, and also adopts rhetoric from Gregory the Great's «Moralia in Job». The article represents the peculiarities of self-representation and the methods of its construction by a clergyman of the 10th century Liutprand of Cremona in his works «Antapodosis» and «Homelia Paschalis». Recre-

ating the features of Liutprand's biography from sources and analyzing the latest historiography, the author proves that portraying himself as a skilled diplomat, scientist and intellectual, a connoisseur of the Greek language, Liutprand aimed to make a career at the court of Emperor Otto I, trying to achieve appointment as an ambassador, and later as a minister of the imperial chapel. Liutprand needed to overcome the memory of his disloyalty to the previous king and to show himself a faithful servant of the ruler. To do this, he uses biblical imagery, and also adopts rhetoric from Gregory the Great's «Moralia in Job».

Keywords: Liutprand of Cremona, medieval historiography, self-representation, Xth century, intellectuals at the court

D.M. Omelchenko

«THE PATIENCE WITH WHICH RELICS SHOULD BE APPROPRIATED»: ABOUT SOME STORIES IN THE HISTORY OF THE CULT OF ST. CAESARIUS OF ARLES

This article systematises the evidence from various sources on the cult of St Cesarius, bishop of Arles (502-543). During the late Antiquity he was one of the main figures in the Church of Southern Gaul. Cesarius' cult had the potential to extend beyond Provence: the bishop was known as a wonder-worker not only in Arles, his sermons were popular in various parts of Europe, his status as the first papal vicar in Gaul could become an argument in foreign policy for Frankish kings and the papacy. For the first time in the West, Caesarius developed a Rule specifically for the ascetic community of women («The Rule for Virgins») and may have laid the foundations of the normative tradition of medieval female monasticism. However, the potential opportunities were never realized, and the cult of Caesarius remained local. Among the reasons are the following: the inconsistency of the bishop with the hagiographic model that prevailed in late Antiquity, the unacceptability for the Merovingians of his position in relation to the Arian kings, the burial of the saint away from the tombs of the martyrs, the peripheral status of Provence in the vast Frankish state. At the turn of the 20th-21st centuries, an unexpected surge of interest in the bishop's relics was caused by the restoration of his funeral vestments. The natural science methods used in the study of sacred objects made it possible to make

important observations in the field of material culture. Several museum exhibitions outlined the range of objects associated with the name of the bishop, archival work made it possible to clarify its history. These events have become a kind of «appropriation of relics» by Caesarius of Arles by means of the age of high technology. As a result, the bishop is now perhaps a more famous person than during the 1500 years that have passed since his death.

Keywords: Caesarius of Arles, relics, reliquaries, Southern Gaul, late Antiquity, cult of saints, natural science methods.

S. Yu. Shokarev

**«HIS DONATIONS ARE ICONS, BOOKS, AND MONEY...
AND EVERYTHING CANNOT BE ENUMERATED»:
THE VOLUME AND DYNAMICS OF IVAN THE TERRIBLE'S
MONETARY DONATIONS TO MONASTERIES**

The article is devoted to the analysis of Ivan the Terrible's donations to monasteries. The paper undertakes an assessment of the volume of donations to 10 monasteries in order to establish the dynamics and peculiarities of the tsar's patronage activities. It is revealed that Ivan the Terrible gave very large amounts of donations to the Trinity-Sergiev, Kirillo-Belozersky and Joseph-Volokolamsky monasteries (tens of thousands of rubles each), but donated less to other monasteries. The amounts of donations show that Ivan the Terrible adhered to a certain hierarchy of monasteries and gave different amounts of donations for the commemoration of divers members of his family. The number and volume of donations increased throughout Ivan the Terrible's reign, but the death of Tsarevich Ivan Ivanovich caused a rapid growth of donations for the soul of the heir to the throne himself and for the souls of the disgraced executed by Ivan the Terrible.

Keywords: Ivan the Terrible, History of the Russian Orthodox Church, monasteries, donations, church charity, Tsarevich Ivan Ivanovich, Trinity - Sergiev Monastery, Kirillo - Belozersky Monastery, Joseph - Volokolamsky Monastery, Solovetsky Monastery.

A.G. Melnik

A TOMB OF A SAINT IN THE SPACE OF A RUSSIAN TEMPLE OF THE 17TH CENTURY

The article is devoted to a comprehensive analysis of 49 tombstone complexes of Russian saints based on inventories of churches and monasteries, as well as certain scribe books. The main purpose is to reveal the main traditions or objective laws in the formation of these complexes, including the choice of their location in the space of a temple of the 17th century.

Keywords: burial place, relics, tombstone complex, temple, 17th century

A.G. Evstratov

LIFE OF SHI'I PILGRIMS IN NAJAF AND KARBALA IN THE 19TH CENTURY

The only pilgrimage as a «pillar of Islam» prescribed for every Muslim is the Hajj to Mecca and Medina, but adherents of this religion make «pious journeys» to other places. Sunni Muslims recognize holy cities that contain desirable sites to visit (for example, Jerusalem, considered the «third holy city», and the Al-Aqsa Mosque located there), however, these pilgrimages are not obligatory, but recommendatory. Shiite pilgrimages to the land of Iraq — primarily to Najaf and Karbala, on the contrary, have a status very close to mandatory. The first and third Shiite Imams, Ali and Hussein, are buried in these cities, respectively, in Najaf from the 18th-19th centuries. The main center of Shiite scholarship has been formed, and therefore the views and thoughts of millions of Shiite believers are directed here. At the same time, the Shiite pilgrimage, like the Hajj, is not only a purely religious action, but also a social one. People who visit holy places receive the nicknames «Karbelaï», «Najafi» (as well as «Mashhadi» — after visiting another center of pilgrimage - the Iranian Mashhad) and enjoy special respect from their coreligionists. In this study, we will look at the life of

pilgrims to the Shiite shrines of Iraq (the territory of which was called «Turkish Arabia», or «atabat») in the 19th century, because it was at that time that the traditional realities of the Muslim world in general and its Shiite part began to change rapidly. These changes are associated with a unique political situation (on the one hand, the presence of Shiite shrines on the territory of the Sunni Ottoman Empire, and on the other, the orientation of the local Shiite population towards Iran ruled by the Qajar dynasty, both states having a semi-colonial status), and with the rapid development of science and technology, and with a very peculiar ideological situation. Both Iran and the Ottoman Empire underwent secular reforms in the 19th century, and many significant Shia communities lived in territories belonging to the non-Muslim states of Russia and Great Britain.

Keywords: shia, islam, ziarat, Ashura, Kerbela, Najaf, Imam Ali, Imam Husain

M.R. Maizuls

ANTICHRIST IN BETHLEHEM? FROM VAN DER VEIDEN TO BOSCH

In the altarpieces created in the Netherlands in second half of the 15th and in the beginning of the 16th centuries, the *Adoration of the Magi* often served as the main subject. However, in Hieronymus Bosch's triptych, which is kept in the Prado Museum, it includes many iconographic "anomalies". They arouse the suspicion that there is a "double bottom" hidden in this image. The main clue to its interpretation is the appearance of an ominous character in a red cloak standing at the door of the manger. There are many versions of who this is. The most convincing of them postulates that Bosch introduced into the scene of the Epiphany the figure of the Jewish Messiah — Antichrist himself. He is not to be found in any of the earlier depictions of the *Adoration*. Nevertheless, we can trace the visual genealogy of this character. This article shows that the group consisting of the Antichrist and of his companions is derived from the group of men standing in the stable doorway in Rogier van der Weyden's *Triptych of St. Columba*. Bosch introduces the antagonist of the Savior into the joyous scene of the Epiphany and creates one of the most powerful and ominous images of

enmity surrounding Jesus. This visual interpretation was unusual, but not unique at the time. In late medieval depictions of the birth and infancy of Christ, we find a certain number of characters that incarnated (Jewish) unbelief. The author analyzes how Bosch constructs his characters and introduces into the image a series of ambivalent details that relate them to each other but make unambiguous identification problematic if impossible.

Keywords: Hieronymus Bosch, Rogier van der Weyden, Adoration of magi, iconography, eschatology, Antichrist, Church and Synagogue, enmity, color symbolism, visual ambiguity.

A.V. Keller

THE TABLE OF NATIONS IN THE CONTEXT OF CULTURAL STEREOTYPES ABOUT RUSSIANS AND GERMANS OF THE 17th — 19th CENTURIES

The article considers the regional identification of Russia in the European family of peoples with reference to The Table of Nations in the context of the mutual perception of Russians and Germans over a long time. The study is based on the theoretical principles of cognitive history, historical anthropology, and imagology. The methodology of the comparative approach involves internal and external perspectives, as well as two types of stereotypes: as a rule, more positive auto-stereotypes, or self-images, and hetero-stereotypes, or external images. The Styrian Table of Nations (Styrian Völkertafel) published in the Appendix is an exception in this case, since in addition to positive characteristics, the self-description of German-speaking authors contains negative characteristics. The Styrian Völkertafel as a historical source of "grassroots" culture found at the level of the Russian popular print makes it possible analyze ideas and stereotypes about the northern neighbor in two aspects, i.e. visual, with the possibility of turning the visual into the verbal, and textual. The article contains the first ever published translation of the Styrian Völkertafel into Russian.

Keywords: Styrian Table of Nations (Steirische Völkertafel), engraving of Friedrich Leopold, Russians, Germans, Europeans, cultural stereotypes, national images.

P.S. Bychkov

**BODY POLITIC, MICROCOSMOS AND ZODIAC MAN:
BODY METAPHORS IN ENGLISH AND FRENCH
RELIGIO-PHILOSOPHICAL AND POLITICAL
DISCOURSE OF 14TH — 15TH CC**

One of the most popular concepts during the Antiquity and Middle Ages was the metaphor of the body which manifested the ideas of unity and coexistence in harmony of various parts of the whole. It was closely tied up with the mythological imagery of protoplast on one hand and with the conceptualization of social unity on the other, for example, with the concept of Church as the mystical body of Christ. Microcosm was one of the embodiments of this image representing the idea of the indissoluble existence of the individual, his body and the rest of the world — this concept continued to be reproduced in the religious/philosophical texts of 14th — 15th cc. From this doctrine of microcosm also arose the Medieval medical theory of humors, fluids of human body, associated with four elements, at the meantime »zodiac man» was the equivalent of microcosm in Medieval astrology, visual representation of a belief in the impact of celestial bodies on the health and mental qualities of people. Finally, the metaphor of the body politic clearly demonstrated the unity of different estates in a single body of the state, it can be considered one of the first forms of reflection on society and politics in the 14th — 15th centuries.

Keywords: body politic, microcosm, zodiac man, astrology, humors, Jean Gerson, Nicolas Oresme, Philippe de Mézières, Christine de Pizan

L.A. Pimenova

**«ART OF THE WORD»: PROTESTANTS IN THE
OFFICIAL DISCOURSE OF THE FRENCH MONARCHY
OF THE 17TH-18TH CENTURIES**

The article investigates how during the period from the end of the Wars of Religion to the Revolution of the 18th century in France the

official terminology used to name the Calvinist minority was appeared and changed. Behind the choice of the word was the image that the authorities impressed upon their subjects. As sources, were used royal edicts and declarations, ministerial papers, documents of the Parlement of Paris and of the clergy assembly, as well as treatises, dictionaries and encyclopedias of the 17th-18th centuries. For many years, the official designation of the French Calvinists in all legislative acts was the cumbersome expression «adherents of the so-called reformed religion» which implied a resolute denial of the name of «reformed religion» used by the Calvinists themselves. With the publication of the Edict of Fontainebleau (1685) by Louis XIV, the term «new converts» began to be used to name the Calvinists, indicating that now all the subjects of the king had converted to Catholicism. The term «Huguenots» in the 18th century ceased to be used while speaking about contemporary realities. The evolution of religious policy of the government was accompanied by a change in official terminology. In the second half of the 18th century, when the question of the need to grant civil rights to Calvinists was discussed, in administrative correspondence between the king, ministers and magistrates of the Parlement of Paris, they constantly called adherents of other religions by their proper names and talked about Protestants and Calvinists. But in the text of the royal edict they were called «those who do not profess the Catholic religion». The terms «Protestant» and «Calvinist» were avoided by the authors of official documents, thereby emphasizing that there was only one recognized religion in the kingdom.

Keywords: 18th century, dictionaries, discourse, legislative acts, public space, Reformation

N.A. Boldyreva

REFLECTION OF THE ANTIQUARIAN METHOD OF «OLD CURIOS PERSON» WILLIAM CAMDEN IN THE CHURCH SLAVONIC TRANSLATION OF «BRITAINNIA»

The article analyses the interpretation of particularities of the antiquarian method that was very popular among the European researchers of the 16th century in the Church Slavonic translation of W. Camden's

"Britannia". Created by the English antiquary this treatise was included in the fourth volume of the most famous world geographical atlas - the "New Atlas" of Blaeu. This volume was translated very accurately into Church Slavonic by Isaiah, the Little Russian scribe of the Chudov Monastery in the 1650s-1661 upon the orders of Patriarch Nikon.

The examples of archaeology, numismatics and epigraphies were examined. These auxiliary disciplines were just beginning to form in Europe in the late 16th - early 17th centuries. For the Russian state of the same period, it is not necessary to talk about a similar level of development of these areas of historical thought, so Isaiah acted as a pioneer, interpreting, for example, information about ancient coins, archaeological finds, that is, artefacts.

Keywords: antiquarian method, artifacts, numismatics, epigraphies, Camden, «Britannia», atlas, Blaeu, interpretation, Isaiah, «Vri-tannia»

K.A. Levinson

«HOW LIVED, WHOM LOVED, WHOM DIDN'T SHAKE A HAND WITH»: ON THE QUESTION OF ETHICAL ASSESSMENTS OF STUDENTS' BEHAVIOR ON THE FACULTY OF HISTORY OF THE LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY IN THE EARLY 1940ES

In the article on the material of memoirs of graduates of the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University the specific ethos characteristic of this subculture in the second half of the 1930s and the first half of the 1940s is considered. The author describes this ethos as complex, including academic ethos, political (or civil) ethos, and ethos of interpersonal relations. The analysis of sources shows that often these three elements were not separated in students'ethical perceptions and discourse. This syncretism of ethos brings them closer to the pre-revolutionary liberal Russian intelligentsia, although the political orientation of these two groups was different.

Keywords: university history, history faculty, Moscow State University, university ethos, history of Soviet academia.

A. B. Gerstein

THE CHAPTER «HOLY LAND» IN THE *ATLAS, OR COSMOGRAPHIC MEDITATIONS UPON THE STRUCTURE OF THE UNIVERSE AND THE FORM OF THE CREATED* BY G. MERCATOR — J. HONDIUS

The article reconstructs some of the scientific methods used by early modern geographers in composing so-called «Theatres of the World», that is descriptions of the different regions and countries of the world supplemented with maps. How these texts were composed? What sources were considered as texts of authority? Could the historical context influence the content, choice of words and names, characteristics of peoples and kings? The author seeks answers to these questions in the chapter «Holy Land» of the *Atlas, or Cosmographic Meditations upon the Structure of the Universe and the Form of the Created* by G. Mercator — J. Hondius. This paper is the first publication of the translation into Russian the chapter «Holy Land».

Keywords: *Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura*, G. Mercator, J. Hondius, cartography, description of the world, Holy Land.

O. V. Okuneva

«FLORILEGIUM SCIENTIARUM» AND THE STUDY OF HISTORICAL HERBARIUM

(*Rev.*: The Herbarium of Robert Erskine, Archiater and Physician-in-Chief to Peter the Great / edited by A.K. Sytin and D.D. Slastunov. SPb, Lubavich, 2022, 375 p.)

The book under review is the first critical edition of the *Herbarium* belonged to Robert Areskin, a fellow-fighter of Peter the Great, his Physician-in-Chief and President of the Apothecary's Garden in Moscow. The Herbarium was created in 1709 and composed of plant species from the vicinity of Moscow. This is Russia's first botanical collection of western type. The present critical edition is a part of

the huge research project «From the Kunstkamera to Herbal Science. The Development of Botany in Russia in the First Half of the 18th Century» conducted by Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences with the financial support of Russian Foundation for Basic Research. It demonstrates how productive the joint effort of botanists, historians, historians of science, librarians, archivists and museum custodians can be. The contribution of web designers, database developers and specialists in digital image processing neither can be underestimated. The review emphasizes the success of this interdisciplinary team and congratulates the editors on the way they revealed Herbarium's scientific, historical and cultural value.

Keywords: Robert Areskine (Erskine), Herbarium, Kunstkamera, Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences, Library of the Russian Academy of Sciences

N.A. Ganina

IN MEMORIAM NIGEL F. PALMER

The article is dedicated to the memory of Nigel F. Palmer, a regular contributor to 'Odysseus', an outstanding scholar, Emeritus Professor of German Medieval and Linguistic Studies, Emeritus Fellow of St Edmund Hall (University of Oxford), FBA (1946 — 2022).

Keywords: history of the German language and literature, Medieval German, medieval manuscripts of German-speaking countries, history of book

S.A. Yatsyk

IN MEMORIAM E. LE ROY LADURIE

This article covers the life and academic contributions of Emmanuel Le Roy Ladurie, a prominent French historian known for his association with the Annales school and his role in pioneering micro-history. The author traces Ladurie's biography, starting with his early

years in Normandy and his youthful political engagement, and concludes with his achievements in the academic field. Particular focus is given to Ladurie's significant contributions in introducing quantitative methods to historical research. The article underscores Ladurie's versatility as a scholar who engaged with various historical aspects, from personal life of occitan peasants to global climate change. Furthermore, it explores his involvement in digital humanities and the application of computational technologies in historical scholarship and librarianship.

Keywords: Emmanuel Le Roy Ladurie, In Memoriam

**Одиссей.
Человек в истории**

**ИСТОРИЯ НАУКИ
2023 №2 (31)**

Главный редактор
А.О. Чубарьян

Ответственный редактор
А.Б. Герштейн

Художник
Б.А. Котляр

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН*

Научное издание

Подписано к печати 21.10.2024

Печать офсетная. Гарнитура Таймс Нью Роман
Объем — 29.31 усл. печ. л. Тираж — 500 экз. (Первый завод — 130 экз.)
Зак. № 345

ИВИ РАН Ленинский пр. 32А